

Полина Груздева

**И кнутом,
и пряником**

Полина Груздева

И кнутом, и пряником

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607932

SelfPub; 2024

Аннотация

Первая часть трилогии «Чудачка», в основу которой положены истории из жизни Людки, старшей дочери Николая и Екатерины Никитиных, кочующих по советскому Узбекистану в поисках лучшей доли. Главная героиня живет с родителями в городке Риштане. Чувствительная, отзывчивая, трудолюбивая пятиклассница делит с родными все тяготы безденежного существования, оставаясь при этом жизнерадостным человеком, тяготеющим ко всему чистому, красивому и благородному. Ее любят и ценят близкие люди и учителя, у нее много друзей среди ребят русской и узбекской национальности. Но безоблачно ли ее детство? Необузданный нрав отца, первая любовь, травма маленького брата, смерть одноклассницы и другие события приводят девочку к удивительным открытиям, чувствам, желаниям и поступкам. Путешествие в мир десятилетней ученицы откроет читателю глаза на многие стороны ее взросления в условиях реальности начала шестидесятих годов двадцатого века.

Полина Груздева

И кнутом, и пряником

Глава 1

На новом месте

Жара стояла невыносимая. Солнце будто сошло с ума и решило превратить Ферганскую долину с ее обычно мягким климатом в безжизненную пустыню. Казалось, от зноя сомлело все: и природа, и люди. Только верхушками деревьев, которые не могли спрятать высокие, без просветов заборы-дувалы кишлака, как кисточками, иногда помахивал ветерок.

По пыльной улочке селения шла семья. Взрослые и дети с любопытством глазели по сторонам, но за глинобитными мурами ничего не было видно. Не попадались и прохожие.

Наконец мать семейства с двухлетней девчушкой на руках свернула влево, к зеленым высоким воротам. За ней – мужчина с двумя фибровыми чемоданами в руках и девочка-подросток с большим узлом за спиной. Следом шла ее сестра, младше на два года, с эмалированным чайником в правой руке. Она вела шустрого мальчишку четырех лет с картонной коробкой под мышкой.

Женщина громко постучала. Вскоре в воротах открылась

дверь, и из нее выглянул седобородый старик-узбек в сером халате на сухощавом теле и с небольшой белой чалмой на голове.

– Захади, захади! – приветливо заулыбался старик. И семья перешагнула через порог.

Хозяин повел всех в домик для гостей, но Людка – так звали старшую девочку-подростка, – скинув на землю узел, застыла на месте.

«Какая красота! – подумала она, оглянувшись вокруг. – Неужели мы будем здесь жить? Как здесь прохладно! А какие чудесные розы! А виноград! Вот бы попробовать...».

– Людка! – раздался призывный голос матери. – Ты чего столбом стоишь? Делать нечего? Иди сюда немедленно!

– Иду, мам! – И, подхватив вещи, девочка быстро вошла в дом.

В глиняной постройке с плоской крышей была всего одна комната, поэтому домик походил на прямоугольный ящик. Два больших окна помещения выходили к воротам, дверь смотрела в глубину двора. На противоположной окнам стене пустели две ниши. На полу лежали тонкие ковры-паласы. Больше ничего в жилище Людка не увидела.

– Мам! А где же кровати, стол? На чем мы будем спать и есть? – удивленно спросила она.

– Будем жить как узбеки, – вздохнула мать. – Они спят и едят на полу. Спасибо людям, крыша над головой теперь есть, не то хоть под открытым небом ночуй. Никто не хочет

такую ораву на постой брать. Придется потерпеть, пока отец квартиру на работе получит. Хозяин, видать, добрый человек: обещал посуду и постель дать.

– Да, придется подождать немного, сейчас свободных квартир нет, – уныло сообщил отец и затем бодрее, успокаивающе, добавил: – Но нефтеразведка – это нефтеразведка. С ее текучкой сегодня жилья не предвидится, а завтра уже заселяйся.

Когда пожитки разложили по нишам, Людке разрешили выйти на улицу. У соседних ворот стояли ребята-узбеки. Их было трое. Они сразу обратили внимание на русскую девочку. Та смело подошла к мальчишкам.

– Ты кто? – спросил ее тощий сорванец в закатанных по колено сатиновых штанах.

– Я Люда. А ты кто?

– Мансур. Ты будет здесь жить? – ткнул мальчишка пальцем в направлении зеленых ворот.

– Да! С мамой, папой, Витей, Валею и Светой. Это мои брат и сестренки.

– А это мой брат, Карим! – Мансур потрепал вихры голопузого босоногого малыша и кивнул головой на рядом стоящего парня: – Это Базар, мой друг.

Мальчик, которого Мансур назвал своим другом, молча смотрел на Людку. В его черных глазах девочка заметила интерес и доброжелательность.

Симпатичную мордашку восточного типа, простенькую

ситцевую рубашку, штаны с пузырями на коленях, коричневые кожаные сандалии на босу ногу Базара Людка восприняла как единое целое. Друг Мансура был старше ее, выше ростом и, как многие мальчишки, которых не загонишь домой, крепок телом и духом. «Какое у него смешное имя!» – подумала Людка, но ничего не сказала и приветливо улыбнулась новым знакомым.

– Пошли в сад? – предложил Мансур.

Людка удивилась:

– В какой сад?

– Туда! – махнул рукой Базар на противоположную сторону узкой кишлачной улицы.

Мансур отвел малыша домой, и компания двинулась через дорогу к небольшому пролому в дувале. Людку несколько не смущало, что среди ее новых знакомых не было девочек. Мальчишек она не боялась. И вообще, у нее есть брат, с которым ей часто приходится играть. А мгновенно разыгравшее любопытство, свойственное этой беспокойной натуре, затмило все опасения и страхи, поэтому она спокойно полезла с незнакомцами в дыру. Спрыгнуть на землю ей помог Базар.

В саду было свежо и сумрачно. Раскидистые кроны деревьев, соприкасаясь друг с другом, образовали зеленый шатер, земля под ним поросла низкой редкой травой.

– Сторож тут есть? – боязливо спросила Людка, как только увидела на деревьях урюк, яблоки, персики и груши.

– Не бойся, никого здесь нет, – успокоил ее Базар. – Никто сад не сторожит: больничный сад. Вон видишь длинный дом? Это больница.

– А змеи тут есть?

– Змея нэт, – сказал Мансур и полез на дерево за желтоглазыми абрикосами.

Мальчишки, как обезьяны, ловко карабкались на деревья, рвали самые зрелые плоды и набивали ими пазухи, а Людка смотрела на храбрецов снизу и молча удивлялась их смелости и ловкости. Но чаще всего ее карие миндалевидные в черных ресницах глаза останавливались на Базаре, который казался ей более решительным и сноровистым, чем Мансур.

На земле добытки совали фрукты девочке в руки. Округлые дары сада выскользывали у нее из рук в траву, их поднимали, а они снова летели вниз под веселые крики и смех ребят. Когда наелись до оскомины фруктов, набегались и наболтались, знакомой дорогой отправились назад,

– Я пошла, – сказала Людка, – мне от мамки и папки попадет. Уже вечер.

– Приходи еще, – пригласил Базар. – Пойдем на спортплощадку в детсад, там будем в футбол играть. Придешь?

– Ладно, – пообещала Людка и вприпрыжку направилась к своим воротам.

Семейство собиралось ужинать. На полу лежала клеенка. На ней раскладывал тарелки Витька, Валька перебирала в

руках ложки, а маленькая Светка, сидя возле импровизированного стола, жевала хлеб. Екатерина с половником в руке ждала мужа, который нес с улицы в дом кастрюлю с дымящимся супом. Людка вошла в комнату следом за отцом.

– Ты где пропадала так долго? – разливая суп по тарелкам, поинтересовалась у нее мать.

– Потом расскажу, – ответила девочка, выкладывая на клеенку из карманов платья спелые плоды.

Отец грозно нахмурил брови:

– Это что за секреты такие? Откуда урюк?

– С мальчишками в саду нарвали.

– Не успели поселиться, а ты уже по садам шастаешь, да ещё с мальчишками! – закипел родитель. – Я тебе сейчас покажу сад, урюк и мальчишек.

Тут за дочь вступилась мать.

– Ну чего ты разорался, ничего девчонка еще плохого не сделала. – И обратилась к дочери: – Людка, в каком саду урюк-то рвали?

– В больничном, через дорогу. Его никто не сторожит, – тихо ответила Людка.

– Смотри мне, а то быстро по заднице получишь, – пригрозил отец, и все замолчали.

Отца Людка боялась. Когда он повышал на нее голос, ее сердечко замирало, и ей хотелось куда-нибудь убежать и спрятаться. Она не могла видеть его сердито насупленных бровей, пугающих, вдруг становящихся чужими глаз.

Было еще хуже, когда у отца в руках оказывался ремень. Тело каменело в ожидании наказания, а сердце готовилось выпрыгнуть из груди, даже если ожидала карательную меру не она, а кто-нибудь другой. Но чаще всего все заканчивалось криком и угрозами: за детей горой вставала мать. Вот и в этот раз слова заступницы притушили гнев отца, и он утихомирился.

После ужина все прибрали, постелили на пол толстые одеяла, что выдал хозяин, легли спать. В комнате было темно и душно. Устав за день, все уснули. Но Людке не спалось. Она вспомнила новых друзей, фрукты, что падали в шелковую траву, угрозу отца и молча заплакала. Слезы обиды ползли по ее щекам и мочили подушку.

«За что мне попало? Что я такого сделала? – думала она. – Почему папа так рассердился и накричал на меня? Хорошо, когда он играет на гармонии и мы поем. Тогда он улыбается и становится добрым и красивым. Конечно, ему трудно с нами: нас много. Я уже большая, а Валька, Витька и Светка еще маленькие. И еще нам приходится часто переезжать, чтобы папа нашел хорошую работу и получал много денег. Ему не нравится жить у чужих людей, поэтому он сердится. А я ничего плохого не сделала. Правильно мама сказала».

Людка еще долго перекатывалась с боку на бок на непривычной постели и тяжело вздыхала. Наконец глаза ее незаметно закрылись, и реальность уплыла из ее сознания. Во сне Базар протягивал ей большое румяное яблоко. Людка хоте-

ла его взять, но оно стало расти и превратилось в красный шар. Шар-яблоко полетел вверх и застрял в ветках деревьев. Мансур, Базар и Людка, подпрыгивая, пытались его достать, но не могли и, падая в мягкую, прохладную зелень травы, неудержимо хохотали.

Глава 2

Нужда

Утром следующего дня Людка проснулась первой. Она тихонько открыла дверь и выскользнула из домика. После изнурительной духоты было приятно окунуться в ласковую свежесть раннего утра. Девочка сладко потянулась и осмотрелась.

Солнце уже поднялось над горизонтом и готовилось плыть дальше по голубому безоблачному небу. Но небесное светило Людка не увидела: его скрывал плотный навес из виноградных лоз, протянувшийся над двором от ворот до самого хозяйского дома. Земля двора была обильно полита водой и чисто выметена.

Резвые ноги понесли девчонку к цветущим кустам, стройная шеренга которых отделяла двор от маленького сада. Желтые, красные, белые и розовые цветы в прозрачных капельках росы так взволновали ее, что она прошептала: «На щечках роз бусинки слез». Людке так понравилось то, что у нее получилось, что она тихонько запела: «На щечках роз

бусинки слез. На щечках роз бусинки слез».

– Людка! – В дверях стояла мать. – Помоги сестрам и брату умыться. Будем завтракать.

Во двор высыпали малыши, и девчонка, вздохнув, принялась за дело.

После завтрака взрослые ушли, и Людка осталась за старшую. Возиться с малышами ей было не впервой. Она носила их на руках, укладывала спать, поила и кормила. Сама еще ребенок, чувствуя за них ответственность, она испытывала к сестрам и брату нежные чувства. Как могла, пыталась их развеселить, защитить, успокоить.

Екатерина вернулась домой к обеду.

– Нашла работу, – переодеваясь в домашнее, довольная, сообщила она. – Берут уборщицей в гостиницу. А Витьку и Светку устроила в детсад. Завтра пойдем сдавать анализы.

– Мам! – просительно начала Людка.

– Знаю, – засмеялась Екатерина. – На улицу хочешь. Хорошо. Бери ребят и иди, только не лезьте, куда не следует.

Людку с детворой как ветром сдуло. А Екатерина занялась домашними делами.

Катя Юрова (так звали в девичестве Екатерину Афанасьевну Никитину) была невеста хоть куда. Многие круторожинские парни вздыхали по смазливой и бойкой девушке из работающей небедной семьи. И не думала она, что выйдет замуж за сироту, у которого, как говорят, ни кола ни двора; что

придется им с мужем мыкаться по белому свету в поисках лучшей доли для себя и своих детей. А их уже было четверо, и каждого нужно одеть, накормить и напоить. Умная, энергичная от природы женщина не имела возможности долго учиться, вот и приходилось ей соглашаться на самую черную работу. Заработка мужа вместе с ее жалкими грошами едва хватало на жизнь...

Екатерина готовила на примусе ужин и вздыхала: день-ги на исходе, а зарплата будет нескоро. Что делать? Она откинула крышку одного чемодана и стала перебирать вещи. Может, что-то продать? Ее платья, рубашки мужа, детская одежда для этого не годились – сто раз стиранные тряпки никто не купит. А если это? Она внимательно посмотрела на недавно вышитую крестиком картину.

«Пойдет, – решила женщина. – Сама завтра поведу малышей сдавать анализы, а Людку с Валькой пошлю на базар. Авось, продадут».

К вечеру домой явился глава семьи. Дети обступили отца, полезли к нему в ожидании внимания и нежности. Сегодня можно: на его лице понимание и доброта. Николай после работы устал, но терпеливо сносил терзания детей. Они соскучились по отцу, радовались его приходу, и, поощряемые его молчанием, выражали свою радость, как могли.

Скромный ужин закончился семейным концертом. Молодые родители любили петь, а дети, уютно примостившись

возле них, всегда слушали и подпевали. Обычно начинала Екатерина. Ее сочный грудной голос проникал в самое сердце притихших детей, им хотелось петь так же красиво, как мама.

Вон кто-то с горочки спустился.

Наверно, милый мой идет, – слышалось в ночной тишине.

Русская протяжная песня в чужом по нравам и обычаям краю звучала особенно трогательно. Родная сторонка осталась далеко. Не было здесь, в Риштане, у Никитиных ни родных, ни близких. Услышали от знакомых о том, что в риштанскую нефтеразведку можно устроиться на работу и неплохо зарабатывать, вот и прикатили, и теперь выпевали свою грусть-печаль по родине в любимых песнях.

На нем защитна гимнастерка.

Она меня с ума сведет, – выводили проникновенно голоса.

Любовные страдания девушки не были понятны Людке, но сама мелодия песни трогала за душу, и девочка с удовольствием пела, подражая взрослым...

На завтрак был только хлеб, посыпанный солью. Отец ушел на работу, невесело бросив полуголодному семейству: «Пока!».

– Девчата! – обратилась Екатерина к старшим дочерям. –

Денег нет, продуктов тоже. Я иду с Витькой и Светкой в больницу, а вам придется отправиться на базар. Продадите вот эту вышивку. Купите килограмм ливерной колбасы и буханку хлеба.

Валька возмутилась:

– Мам, но мы не умеем продавать!

– Ничего страшного в этом нет. Положите вышивку на прилавок и ждите. Спросят «почем?», скажете: «Пять рублей». Дешевле не отдавайте: она дороже стоит.

Людка же промолчала: она прекрасно понимала, что только крайняя нужда заставила мать расстаться с полотном, над которым старательно трудилась не один месяц. Екатерина аккуратно свернула вчетверо вышивку, завернула ее в платок и отдала старшей дочери.

Одевшись в выходное, все вышли за ворота. До конца улицы шли вместе, затем разделились. Екатерина с малышами свернула влево, а Людка с Валькой – вправо, в сторону рынка. Он находился недалеко, и скоро девочки оказались в шумной толпе народа.

Кто только и как только не описывал восточный базар! Но одно дело читать о нем, а другое – бродить по нему, видеть собственными глазами то, чем богата земля Средней Азии, наслаждаться увиденным.

Особенно славным базар бывает летом и осенью. Горки ароматных фруктов, румяных лепешек, свежих овощей и азиатских сладостей на прилавках приковывают взгляды по-

купателей. Арбузы и дыни, плотно прижавшись округлыми телами друг к другу, радостно ожидают ценителей сочных плодов. На все лады расхваливают свой товар и радушно улыбаются продавцы. Люди разных национальностей снуют взад, вперед в поисках необходимых продуктов, приглядываются, пробуют и выбирают, на их взгляд, самое лучшее.

Есть на базаре место, где можно купить промышленные товары и ручные изделия. Девчонки, приласкав по пути глазами янтарные шарики урюка, румяные лепешки и прозрачные куски узбекского сахара, нашли здесь свободный прилавок и разложили на нем материно изделие.

Никто не догадывался о том, что творилось у Людки в душе, пока она стояла на виду у прохожих в роли торговки – в рабочих семьях торгашей не жаловали. Все ее маленькое существо пронизывал стыд, будто ее саму выставили на продажу или принудили заниматься на глазах людей чем-то постыдным, унижающим человеческое достоинство. Наверное, нечто подобное испытывает человек, который впервые оказался на паперти и, стоя с протянутой рукой, ждет, когда в ладонь упадет разменная монета, брошенная сердобольным верующим. Но Людка стояла у прилавка не одна: с ней рядом стеснялась Валька. И от сознания того, что сестра рядом, ей становилось немного легче.

– Люда, – тихонько позвала ее Валька. – Я пить хочу.

– Потерпи немного, – попросила младшую старшая, – может, вон та женщина в соломенной шляпке купит. Тогда и

напьемся.

Покупательница подошла ближе, полюбовалась вышивкой, спросила цену и пошла дальше. Девчонки огорченно переглянулись. Но через некоторое время женщина вернулась и купила рукоделие. Людка свободно вздохнула, будто сбросила с плеч тяжелый мешок, взяла сестру за руку и потянула к водопроводной колонке.

– Люда, – утолив жажду, просительно начала Валька, – а конфет купим?

– Какие конфеты? – возмущенно ответила старшая сестра и продолжила рассудительно: – Большая, а не соображаешь, что говоришь. Сегодня конфеты, а завтра и хлеб не на что будет купить. – И категорично отрезала: – Никаких конфет! Купим только то, что сказала мама...

Солнце уплыло за горизонт, и на небе высыпали глазастые звезды. В домике постояльцев все затихло. Наевшись колбасы с хлебом, маленькие уснули. Екатерина и Людка не спали. Они лежали на одеялах лицом к открытой настежь двери и, в ожидании отца, прислушивались к ночным звукам. Никитин-старший все не приходил.

– Люд, к вышивке многие приценивались? – тихо спросила мать.

– Подходили многие, – ответила Людка.

– Узбечки или русские?

– И те, и другие.

– А кто купил?

– Тетя в шляпке, русская.

– Сейчас вышивка в моде, – протянула Екатерина. – Целые ковры вышивают. И крестиком, и гладью. А кто не может, покупают. Повесят в доме на стенку – красиво!

– Мам, а ты большую картину можешь вышить?

– Могу. Только нитки хорошие надо найти, пяльцы побольше, интересный рисунок подобрать – и вышивай.

– Ты давно крючком не вязала, – сказала Людка.

– Ничего. Обустроимся получше, и буду вязать. Хочешь, научу?

– Хочу.

Людка любила такие минуты, когда они с матерью оставались наедине и вели тихий задушевный разговор обо всем на свете.

Вдруг темнота в дверях уплотнилась – явился отец.

– Катя! – громко позвал Николай.

– Тихо, Коля, дети спят, – пыталась урезонить мужа Екатерина. – Не шуми.

– Ты, с..., будешь еще меня успокаивать? – грубо оборвал ее муж. – Давай жрать!

– Сейчас дам, выйди во двор.

Екатерина поднялась с постели, покопалась в нише с посудой, что-то там нашарила и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Людка лежала, затаив дыхание, и прислушивалась. Она поняла: отец пришел навеселе и теперь долго не уgomонится. Он по пустякам будет придираться к матери,

беспокойно ходить туда-сюда и важничать. Бывало так, что на подпитии отец и руки в ход пускал. Тогда мать кричала, уворачивалась от побоев или убегала с глаз долой, чтобы не дразнить своим видом озверевшего мужа. Людка в страхе за мать дрожала, но ничем ей помочь не могла.

Сегодня до рукоприкладства дело не дошло. Голоса за дверью сначала были слышны, затем все стихло. Через некоторое время один за другим вошли в дом родители и легли на свои места.

«Наверно, испугался, что хозяин выгонит, поэтому успокоился, – недобро подумала об отце Людка. – Я бы выгнала. Не мешай спокойно жить другим». И уснула.

Не в рубашке родился Николай – жизнь его не баловала. Сколько себя помнил, скитался по чужим людям. Какие-то сердобольные старички-односельчане пригрели, наконец, сироту, по мере своего достатка и сил кормили парнишку, одевали, учили. В деревне называли его «барчуком». А почему, не знал Николай. Ничего не слышал он о родителях.

Парень женился на Екатерине, когда им обоим исполнилось по семнадцать лет. Красивая молодая жена с любой работой справлялась быстро и умело, мастерски рукодельничала и хорошо пела. Любил Николай жену и ревновал ее, как говорят, к каждому встречному-поперечному. Трезвым был молчалив, ласков, нежен, а пьяным буянил и дрался. Появ-

лялись один за другим дети, но ничего не менялось. И ведь повода для ревности никогда жена не давала, а в Николая как бес вселился: изводил он Екатерину мелочными придирками и побоями. И не было этому конца и края, будто так вымещал мужик злобу на нелегкую семейную жизнь.

Глава 3

Настоящий друг

Лето цвело, пахло и шумело. Ребятишки большую часть времени проводили на улице и со временем загорели. Не отставали от местных и Людка с Валькой. Пока родители были на работе, а Витька со Светкой в детсаду, девчонки, прибрав в доме, играли с новыми друзьями. Забавлялись по-разному: бегали собачкой за мячом, прыгали по очереди со скакалкой, играли в пятнашки, лазили в больничный сад и купались в небольшом канале.

И почти всегда рядом с веселой девочкой Людой оказывался Базар. Он незаметно, как ему казалось, опекал ее, при каждом удобном случае помогал ей и угощал сладчайшим урюком, которым всегда славился Риштан. Людка принимала его внимание как должное и с удовольствием водилась с мальчиком: он неплохо говорил по-русски, учил ее узбекскому языку и был интересным собеседником.

Но однажды черноглазый мальчишка по отношению к своей русской подруге вообще поступил как герой. А дело

было так.

В знойный июльский день друзья девчонок Никитиных позвали их купаться на двухъярусный арык. Верхний поток этого оросительного канала мощным рукавом срывался в нижний ярус, образуя глубокую воронку, из которой вода устремлялась дальше по проложенному ей руслу. И кому из сорванцов не хотелось подплыть под искусственный водопад, чтобы ощутить силу удара напористой влаги, под ее давлением нырнуть вглубь глинистой выемки, заполненной водой, и бомбочкой вылететь уже в спокойной водной стороне?

Наблюдать за опасной, в общем-то, игрой ребят Людке было весело и очень хотелось самой оказаться под сильной струей. Но плавать она, как и Валька, не умела, плескалась возле берега. В какой-то момент, сама не зная как, девчонка подобралась очень близко к скользкому краю углубления, нога ее заскользила по гладкой поверхности – и Людка оказалась на глубоком месте. Барахтаясь изо всех сил, старалась выбраться на мелководе, но мутная вода не отпускала ее, ноги не находили опоры, и девочка начала тонуть.

Первым неладное заметил, конечно же, Базар, отдохавший на берегу. Он мгновенно бросился в воду, подплыл к подруге и начал плечом подталкивать ее к земле. В это время и Валька с девчонками увидели, что Людка ушла под воду, потом вынырнула и снова исчезла в желтой воде. Кто из девчонок первым подал спасительную идею, никто из них по-

том не вспомнил, но все они выстроились в цепочку, ухватив друг друга за бока.

На переднем крае цепи оказалась Валька. Двигаясь вперед, она почувствовала, как ее нога скользнула вглубь выбоины. Подружки тут же потянули ее назад, и Валька снова нашла опору.

В это время на помощь Базару уже прыгнули в воду другие ребята. Всей гурьбой они направляли Людку к берегу. И вот она уже недалеко от сестры. Валька напряглась, вытянула руку по направлению к Людке и схватила ее за длинную тонкую косичку. Так и вытащили незадачливую купальщицу друзья из воды. Позже Валька рассказала сестре о том, что первым бросился спасать ее Базар.

Это был не единственный случай, когда влюбленный в старшую дочь Никитиных мальчик проявил сильный мужской характер.

С первой зарплаты отца, в воскресенье, Людку с Валькой отпустили в кино на дневной сеанс. Надев лучшие платья, девчонки торжественно направились в центр городка, в кинотеатр. Площадь перед ним кишела детьми. Сестры с трудом пробрались сквозь шумную толпу к кассе, постояв в очереди, купили билеты. В зал еще не пускали, поэтому они отошли в сторонку и начали высматривать знакомых.

Вдруг Людка заметила, что на нее оглядываются какие-то незнакомые парни и, неприятно усмехаясь, о чем-то шепчут-

ся. Ей стало не по себе.

– Людка, – заговорила Валька. – Вон те узбеки на нас смотрят, переговариваются.

– Кто такие? Я их не знаю.

– Давай уйдем отсюда.

– Постоим здесь, просто не будем на них смотреть.

Неожиданно между парнями и сестрами образовалось небольшое пространство, будто кто-то специально организовал арену для предстоящего поединка. Один тощий низкорослый подросток с длинным носом и тонкими губами в упор уставился на Людку и широко, по-дурацки склабясь, громко сказал: «Базар любит Люда!».

Девочка удивленно посмотрела на задиру и ничего не поняла. Она не знала этого человека, никогда раньше с ним не встречалась и теперь была поражена тем, что среди незнакомых ей людей нашелся тот, кто знает ее, знает о ее дружбе с Базаром и сообщает толпе странные вещи. «Базар любит Люда?!» – будто спрашивая и одновременно утверждая, самодовольно повторил наглый парень.

Людка вконец смутилась. «Почему он так говорит?» – подумала она. Самой ей в голову никогда не приходила подобная мысль. Множество любопытных глаз, ожидая бесплатного зрелища, смотрело на нее, а она, растерявшись, не могла сообразить, что сказать и что сделать.

Неожиданно из толпы показался Базар. В темных штанах и в голубой рубашке, аккуратно причесанный, он быст-

ро подошел к нахальному весельчаку и выдавил тому прямо в лицо: «Ишак!». Ехидная усмешка скривила губы хулигана. Он что-то тихо сказал по-узбекски. Базар, широко размахнувшись, изо всех сил ударил его по лицу. Мальчишки сцепились друг с другом, словно кровные враги после долгой разлуки. Жестокая драка была неминуема, но каждого за рубашку уже тянули ребята, и, разводя в противоположные стороны, что-то, урезонивая, говорили.

Тут открылась дверь, и толпа устремилась в кинозал. У Людки с Валькой, как и у других ребят, женщина-контролер оторвала корешки билетов, и девчонки заняли свои места. Погасили свет, начался цветной широкоэкранный фильм. Но сердце в груди у Людки куда-то бежало и бежало, и никак не хотело идти спокойным, размеренным, неслышным шагом. Наконец неземная красота принцессы с золотой звездой во лбу, ее страдания и приключения вытеснили из души взволнованной девчонки неприятное беспокойство, и она забыла о происшедшем.

По дороге домой к сестрам присоединился Базар. Черными виноградинами глаз он мельком взглянул на Людку, затем отвернулся и всю дорогу шел молча, глядя себе под ноги. Появление Базара напомнило старшей сестре о случившемся на площади кинотеатра, и она тоже ничего не говорила. «Базар любит Люда», – повторяла она про себя изуродованную фразу, прислушивалась к себе, пыталась разобраться в своих ощущениях. Людке приятно было, что Базар ее любит,

и в то же время неприятно, потому что ответить тем же она ему не могла: для нее он был просто товарищем летних игр.

– Мам! – с порога начала Валька. – А из-за Людки дрались.

Людка забыла предупредить сестру, чтобы та помалкивала о драке, и теперь готова была ее убить.

– Кто дрался? – последовал вопрос.

– Базар с каким-то мальчишкой.

– Кто такой Базар?

– Людкин друг, – доложила сестра.

– Ну, хватит болтать, сорока! – прервала ее Екатерина, видя, как недовольно нахмурилась старшая дочь. «Потом выясню, что к чему, без лишних ушей», – решила мать про себя.

– Как кино? – поинтересовался вошедший в комнату отец. – Понравилось?

– Называется «Принцесса с золотой звездой», – быстро заговорила Людка, опережая мать, чтобы прервать разговор на щекотливую тему. – Хороший фильм.

– Принцесса надела на голову капюшон из мышинных шкурок и убежала от злого и противного короля, – затараторила Валька. – Она прибежала к принцу, но он этого не знал. Потом принц нашел в тарелке кольцо принцессы, и принцесса женилась на принце.

Отец засмеялся:

– Эх ты, киношница! Принцесса, наверно, вышла замуж

за принца.

– Женятся мужчины, а девушки выходят замуж, – уточнила Екатерина.

После ужина отец с малышами вышел на улицу подышать свежим воздухом, а Людка с матерью остались убирать посуду. Екатерина раскладывала тарелки, ложки, хлебницу в нише и в то же время украдкой поглядывала на дочь.

«Невысокая ростом, фигуры еще никакой, две тощие косички до лопаток – ничего особенного, подросток и подросток, – отмечала она про себя. – Но личико хорошенькое: носик курносенький, большие, продолговатые, как миндалины, глаза, ресницы длинные, пухленькие губки. Что ж, из-за такой и подраться можно», – подытожила мать и заговорила:

– Люда, а кто такой Базар? Что за парень? Он с нашей улицы?

Людка умела держать язык за зубами, но если нужно было признаваться в чем-то, то выкладывала все начистоту. Сейчас тем более: молчать не имело смысла.

– Он с другой улицы, приходит к Мансуру, соседскому мальчишке. Мы все вместе играем.

– А драка?

– Базар вступился за меня, когда один мальчишка начал меня дразнить. Они хотели подраться, но их разняли. Драки не было, Валька придумала.

– За тобой мальчишки начинают бегать... – улыбнулась Екатерина. – Наверное, я уже старая.

– Ну что ты, мам, ты очень даже молодая и красивая.

Людка все-таки не стала раскрывать матери подробностей мальчишеской баталии, но ей хотелось поговорить о любви, и она спросила:

– Мам, а как ты вышла замуж за папу?

Екатерина помолчала, будто собираясь с мыслями.

– За мной ухаживали многие парни, а я смеялась над всеми, – зардевшись, смущенно начала она. – Но одного очень любила, Ивана. Правда, никогда не обещала выйти за него замуж, хоть он звал...

Людка представила мать быстроглазой хохотуньей, за которой толпами бродят женихи. Они не сводят влюбленных глаз с девушки, говорят ей любезности, а она высмеивает их, вводит в краску, за что парни еще живее приударяют за речистой бедовой красуньей. А мать продолжала:

– Отец ваш тоже засматривался на меня, но не подходил: стеснялся. Иван был из зажиточной семьи и потому думал, что ни одна девка ему не откажет. А я отказала, вышла за Николая. Обидел меня однажды Иван...

Екатерина не стала рассказывать малолетней дочери о том, чем Иван ее обидел. А дело было обычное: решил парень добиться от Екатерины того, чего многие «женишки» пытаются получить от честной девушки. Схлопотал тогда Иван звонкую пощечину от оскорбленной возлюбленной и лишился возможности с ней встречаться.

– Свататься Иван и Николай пришли в один день, – про-

должала вспоминать Екатерина, присев ненадолго рядом с Людкой на палас. – По-разному выглядели женихи. Иван разоде-е-тый, нос кверху – петух, да и только. Родители его довольные, шутят, улыбаются, – будет девка нашей. А Николай в простенькой одежке, с ним пришли старички, его приемные родители. Сидят тихо, как мыши, и лица скучные-скучные.

Мои родные очень хотели, чтобы я выбрала Ивана. Я посмотрела на него: красавец, ничего не скажешь! Все при нем: чуб густой, лицо румяное, курносый нос небольшой, глаза дерзкие и губы, как у девки. Давно покорила мое сердечко его внешность. Но тут злость меня взяла: очень мне его самоуверенность не понравилась. «Не получишь ты меня, хвастун богатенький!» – решила я про себя.

Глянула я и на Николая, и сердце жалостью наполнилось: сирота горемычная, кто за тебя пойдет. Не знала я тогда, что у вашего батяни характер такой крутой. Когда мой отец сказал: «Ну, невеста, выбирай себе спутника жизни!», я ответила: «Пойду за Николая!».

Что тут началось! Ивана будто подменили: перестал хорохориться, начал уговаривать, в любви объясняться. Уговаривали его родители, мои отец и мать, а я стояла на своем: «Пойду за Николая!». Выбирала, выбирала и выбрала...

Екатерина замолчала и огорченно вздохнула.

Вернулись с улицы дети с отцом, и вскоре в комнате воцарилась тишина. Сон сморил и больших, и малых. Чьи сно-

видения были самыми печальными, никто так и не узнал.

Глава 4

Странное желание

Известно, что простудные заболевания подстерегают людей не только в холодное время года, но и в самые знойные дни. Витька кашлял, сопливился и не ходил в детсад. Людке и Вальке пришлось сидеть с братом дома до прихода родителей.

Вот и сегодня, подхватив Светку на руки, родители отправились на работу, наказав девчонкам вести себя как следует и смотреть за братом. Приведя комнату в порядок, сестры улеглись животами на пол. Валька огрызками цветных карандашей что-то рисовала в тетрадке, Людка читала. В открытую дверь комнаты веяло прохладой и доносились звуки возни Витьки возле кустов роз.

Неожиданно в мирной утренней тишине раздался истерический вопль – благим матом орал Витька. Людка рванулась на крик и пулей вылетела из дома. За ней побежала Валька. Мальчишка стоял посреди двора, вытянув параллельно земле правую руку; из нее рекой текла кровь и летела на землю.

– Что случилось? – испуганно спросила Людка, хотя и так все было ясно. Она схватила руку брата и вывернула ее ладонью вверх: мизинец от всей остальной части ладони отделял глубокий порез, из которого лилась алая жидкость. Девочка

поняла: Витька чем-то порезался.

– Ты где нашел стекло? – механически задала вопрос Люд-ка, хотя не знала, какой режущий предмет отыскал брат. Спрашивать тоже было бесполезно: перепуганный насмерть малыш не мог вымолвить ни слова и только, широко раскрыв рот, вопил на весь двор. В голове у девочки ускоренно заработала мысль. Что делать? Никого из взрослых дома нет: ни родителей, ни хозяев. Только они трое – испуганные Люд-ка, Валька и неистово кричащий от страха и боли Витька с окровавленной рукой. Куда бежать? Как спасти брата? И вдруг ее осенило: недалеко детсад, там есть медсестра, она поможет.

Люд-ка влетела в дом, быстро нашла чистое вафельное полотенце и подбежала с ним к пострадавшему. Замотав тканью раненую руку мальчишки, схватила его в охапку и понеслась к воротам. «Валька! Открой дверь! – на бегу приказала она и, уже выскочив за ворота, прокричала: – Сиди дома! Я скоро приду». Валька не успела сказать и слова, как сестра уже неслась по пыльной дороге за спасительной помощью.

Витька-буруз хлюпал носом на плече сестры, а она, не замечая его тяжести, упорно тащила брата туда, где должен был находиться медицинский работник. С тяжелой ношей на руках Люд-ка ворвалась в помещение детского учреждения и закричала: «Помогите!» На зов выбежали незнакомые люди, схватили Витьку и потащили в медпункт. Люд-ка поплелась следом, но ее остановила женщина в белом халате и повела

в какой-то кабинет. Это была заведующая.

– Успокойся, деточка, и скажи, где работает мать и кем, – деловито спросила она у Людки.

– В гостинице, уборщицей, – устало произнесла та.

Заведующая позвонила по телефону, поговорила, затем повела Людку к брату. Витька поднял навстречу ей заплаканную мордашку и хотел снова зареветь, но сестра прижала его к себе, и он затих, держа на весу забинтованную руку. Его маленькое тело вздрагивало у нее под рукой, и она готова была страдать вместо него, лишь бы ему не было больно, и он плакал тихонько. Ей самой хотелось реветь белугой рядом с ним, но она плакала внутри себя, а слезы не пускала, крепилась.

Вскоре прибежала, запыхавшись, мать. Пришла машина скорой помощи и увезла Екатерину с сыном в больницу. Людка же отправилась домой, где ее ждала Валька. Увидев старшую сестру, девчонка захлюпала носом, следом за ней теперь расплакалась и Людка: им было жалко брата и страшно за себя: обе ждали наказания. Так, обнявшись, заплаканные сестры сидели до тех пор, пока не нужно было идти в детсад за Светкой.

Екатерина с подлеченным сыном вернулись домой к вечеру. Мальчику на рану наложили швы, матери дали больничный, чтобы она могла ухаживать за ребенком. Когда отец вернулся после работы домой, пришлось «нянькам» снова, как до этого матери, рассказать о случившемся. «Виновни-

ка» несчастья нашли и отправили в мусорное ведро. Прощтрафившихся сестер не наказали. Освобожденные матерью от присмотра за братом, они снова могли выходить на улицу, гулять и видаться с друзьями.

«Скоро у Людки день рождения. Что подарить?» – думала Екатерина. Она решила посоветоваться с мужем.

– Коля! – зашептала она ему как-то на ухо, когда дети ночью уснули. – Что купить Людке на именины?

– А ты у нее спроси, – предложил Николай. – Что захочет, то и купи. Конечно, если недорого. Думаю, подарок она заслужила. Вон как умно с Витькой поступила. Молодец девка!

В свободный от работы день Екатерина собралась прогуляться по магазинам.

– Дочь! – позвала она Людку, которая бегала по двору с малышами. – Пойдешь со мной в центр?

– Ой, мам, конечно пойду! – обрадовалась та.

– Только быстрее одевайся.

– Я мигом! – крикнула на бегу обрадованная девчонка и исчезла в комнате. Через несколько минут, оставив малышей на отца, обе уже шагали в сторону магазинов.

– Люда! – завела разговор Екатерина. – У тебя скоро день рождения. Мы с отцом решили, что ты сама должна выбрать себе подарок.

Девочка удивилась:

– Правда?

– Правда, – развеяла ее сомнения мать. – Только не очень дорогой. Ну, что же ты хочешь?

– Медицинскую книжку! – выпалила, не задумываясь, Людка.

– Чудачка! – оторопела женщина. – Почему медицинскую книжку? Какую медицинскую книжку?

– Не знаю, – скисла девочка, – какую-нибудь.

Для чего ей понадобилась книга на медицинскую тему, Людка сама еще не знала. С недавних пор сокровенное желание иметь этот предмет жгло девочке душу, и нужен был только маленький толчок, чтобы язык сам собою попросил то, что должно было сделать ее счастливой.

Продавщица в книжном магазине дежурно улыбнулась и принесла пособие по акушерству, так как больше ничего предложить не могла. Екатерина открыла книгу, полистала ее и положила на прилавок. Она представила себе, как ее десятилетняя дочь рассматривает женские половые органы в разрезе, недоразвитого ребенка в утробе матери и прочие гинекологические откровения, – и ужаснулась. В деревенской среде, где она родилась, выросла, вышла замуж, ни о чем «таком» с девочками не говорили. Это уже взрослых девушек, бегающих на молодежные посиделки, матери частенько предупреждали: «Смотри, принесешь в подоле, из дому выгону!».

– Люда! – просительно шепнула дочери мать. – Может, что-нибудь другое купим?

– Мам! – тоже вполголоса отозвалась Людка, предполагая, что продавщица слушает их разговор, хотя делает вид, что занята наведением порядка на книжном стенде. – Ну, купи, пожалуйста!

Глаза дочери умоляюще смотрели на Екатерину, и та сдалась. «Хорошо, берем!» – неестественно бодро обратилась она к женщине за прилавком и протянула ей деньги.

Дома Людка с горячей жадностью набросилась на учебник, предназначенный для будущих акушеров. Жгучее нетерпение заставляло ее листать это руководство по гинекологии, упоительно произносить непонятные медицинские термины и с пристальным вниманием рассматривать удивительные рисунки.

Нет, не болезненный интерес подростка к половой жизни взрослых, к процессу появления на свет детей толкал эту девочку вновь и вновь сидеть над купленной для нее в подарок книгой. Она знакомилась с таинственным и, конечно же, еще недоступным ее пониманию миром внимательных и добрых людей в белых халатах, в котором каждый человек, и прежде всего маленький, может рассчитывать на помощь и спасение. У Людки зародилась мечта: она станет врачом.

Глава 5

Женька Воронин

– Бросай мяч! Эх ты, раззява! Моя бить! Ты чего мне

нога наступил, слепой, что ли? Подавай сюда! – слышалось с игровой площадки детского сада вечером.

Когда почти всех малышей родители уводили домой, детвора постарше, школьного возраста, прибежала сюда поиграть в разные игры. Лучшего места для ребячьих сборищ не придумаешь. Чаще всего небольшая площадка превращалась в футбольное поле, где мальчишки и девчонки с близлежащих улиц увлеченно носились за мячом, становились то футболистами, то болельщиками.

Людка и ее друзья частенько приходили на детсадовскую площадку. Столько удовольствия и такого заряда энергии, как здесь, непоседливая девчонка, старшая из детей Никитиных, не получала нигде. Ей нравилось висеть на невысоком турнике, сосредоточенно, взлетая ввысь, считать прыжки под хлопанье о землю веревочной скакалки или гнать по полю выдавший виды резиновый мяч.

Простенькое ситцевое Людкино платье то и дело мелькало по всей площадке, и Базар не терял его из виду. Но Людка не замечала этой невольной слежки, носилась с места на место и заразительно хохотала. Про случай у кинотеатра она давно забыла. Вдоволь набегавшись, нагорланившись, нахотавшись, уставшая детвора отправлялась домой. И так уж выходило, что последним, с кем Людка прощалась у ворот, всегда был Базар. Веселая русская девочка с милостивым лицом навсегда поселилась в его сердце.

Что-то заподозрив, белобрысая, похожая на крысу Юлька

с соседней улицы, гаденько усмехаясь, как-то спросила Люд-ку: «Ты что, с черномазым дружишь?» «А тебе какое дело? – отрезала та. – Завидно?» «Вот еще!» – фыркнула Юлька и больше уже не надоедала ей своими глупыми вопросами. И Людка продолжала дружить с Мансуром, Базаром и другими узбекскими ребятами.

В середине августа в дружной детской команде появилось новое лицо.

Футбольная баталия была в самом разгаре. Людка вела мяч в сторону ворот противника. На нее с боков наседали Юлька и Мансур. Вдруг Людка вырвалась вперед и со всего маха послала мяч прямо в ворота, но он почему-то полетел в сторону и угодил в парнишку, которого разгоряченная футболистка видела в первый раз.

– Ого! – сказал мальчишка. – Так можно и убить!

Людка покраснела и отвернулась.

– Привет, Базар! – улыбнулся незнакомец. – Сильные у тебя в команде игроки!

– Салом! – ответил Базар и позвал: – Идем играть!

Новенький не стал ждать повторного приглашения. Он присоединился к друзьям, и игра продолжилась. Людка самозабвенно бегала по полю, но скоро устала и перешла в разряд болельщиков. Она стояла у боковой линии поля, смотрела на игру, но ход сражения уже не занимал ее. Сейчас болельщица ловила глазами фигуру новенького, и ее душу постепенно наполняло дивное чувство. Никогда еще ни один

мальчишка так не занимал Людку.

Вот новичок вихрем пронесется мимо нее. Русые волосы беспорядочно рассыпаны по голове. Пуговицы на светлой рубашке расстегнуты почти до пояса, и рубашка на его сухощавом теле бьется за спиной пузырем. Загорелые руки, полусогнутые в локтях, торопливо снуют взад, вперед.

Мальчишка изо всех сил гонится за быстроногим Турсуном. У того мяч, и он готов немедленно забить гол. Но новенький стремительно догоняет соперника и ловко уводит мяч у него из-под ног. «Женька, Воронин, я здесь!» – кричит ему с другого конца поля Базар. И тот, развернувшись, из-за всех сил посылает мяч в обратную сторону. «Как здорово он играет! Его зовут Женька Воронин», – думает Людка. Она видит мокрое от пота лицо мальчишка. Оно в пылу борьбы и очень привлекательное.

Женька Воронин – давний приятель Базара. Когда Людка приехала в Риштан, Ворониных в городке не было: они отдыхали на море и только недавно вернулись. Об этом Людке рассказала потом Юлька. Поэтому она до сих пор не видела его на площадке. Теперь у нее появился еще один знакомый мальчишка, и видеть его ей хотелось как можно чаще. Было очень трудно скрывать ту бурю, что вызывал в ее душе новый друг. Но стыдливая и гордая девчонка, как могла, прятала от всех то, что творилось в ее неопытном девичьем сердечке. Не замечал изменений в своей подруге влюбленный в нее по уши Базар. Женька Воронин, как свой, вошел в круг Людки-

ных друзей, и все оставшиеся дни летних каникул компания провела вместе.

Перед самым началом занятий в школе Никитины наконец-то получили ведомственное жилье. Им предстояло переселиться в рабочий район городка, в длинный одноэтажный дом, все четыре квартиры которого имели отдельный ход.

В воскресный день, утром, на знакомой тихой улочке открылись гостеприимные зеленые ворота. Из них вышло семейство Никитиных – оно перебиралось на новое место жительства. Каждый что-то нес в руках. Следом из ворот вышел старик в цветном халате и маленькой серой чалме на голове. Он задумчиво смотрел вслед бывшим квартирантам и тепло улыбался.

На улице безлюдно. Никто из Людкиной уличной компании не видит, как она покидает место, где ей было так хорошо. Девочке очень грустно. Прощай милый домик для гостей, уютный дворик под густым виноградным навесом, где каждое утро ее встречали кусты восхитительных роз и где щедрый старик-хозяин часто угощал детей Никитиных теплыми лепешками и сладким, как сахар, виноградом.

Но еще больше огорчало Людку расставание с друзьями. Теперь она не будет смеяться до упаду над шутками Мансура, учиться у Базара узбекскому языку, бегать в компании ребят по любимой детсадовской площадке и краснеть при виде Женьки Воронина, с которым была так мало зна-

Глава 6

Насильно мил не будешь

Документы в школу понесли втроем: Екатерина, Людка и Валька. В кабинете директора девчонки пробыли недолго – их отпустили. Пока мать разговаривала с руководителем учебного заведения, сестры пошли искать классы, в которых они должны были сидеть целый учебный год.

Шаги девчонок эхом разносились по гулкому длинному коридору. Пахло краской. Двери учебных комнат были закрыты. Вдруг одна из них распахнулась и выпустила женщину в испачканной строительным материалом рабочей одежде и с платком на голове, завязанным сзади узлом. Она несла ведро с краской.

– Здравствуйте! – смело поздоровалась с женщиной Людка. – А где будет пятый класс?

– Вы новенькие?

– Новенькие, – подтвердила старшая дочь Никитиных.

– А вот здесь и будет, можете посмотреть, только краской не испачкайтесь: свежая, – добродушно предупредила женщина и отправилась по своим делам.

Девчонки робко вошли в класс и остановились у порога. Три ряда коричневых парт с черными крышками, наполовину выкрашенная свежей черной же краской доска, неболь-

шой учительский стол, шкафчик с книгами в углу у той же стены, что и доска, – вот и все, что увидели школьницы, но остались довольны. Приятно было вдыхать резкий запах краски, смотреть на школьную мебель, предвкушать начало занятий.

– Люд, а ты за какой партой любишь сидеть? – поинтересовалась Валька.

– За первой.

– А почему за первой?

– Чтобы такие болтливые, как ты, не мешали слушать учительницу, – засмеялась Людка и потянула Вальку за руку в коридор.

Найти класс Валькин сестры не успели: из кабинета директора вышла мать.

– Вот и все, – сказала она дочерям. – Теперь вы – ученицы этой школы.

– А мы нашли Людкин класс, – сообщила Валька.

– Ну и как, он вам понравился? – поинтересовалась на ходу Екатерина.

– Свеженький! – сказала Валька. – Мой, наверное, тоже такой. Я уже в школу хочу. Каникулы – это здорово. Но сидеть дома как-то уже скучно.

– Людка, а ты что молчишь? – с улыбкой глянула на дочь Екатерина. – Небось, тоже мечтаешь сбежать из дома?

– Дома хорошо, но в школе интереснее. В классе сейчас парты как из магазина. Только вот какие здесь учителя, од-

нокласники? Страшновато как-то.

– Ничего! Привыкните! – бодро произнесла Екатерина. – Новое всегда интересно, но к нему надо приглядеться, приспособиться. Вы у меня молодцы! Найдете себе в школе друзей, обязательно. – И замедлила шаги перед дверью в квартиру.

Первый день осени. Умчались беззаботные летние денечки для тех, кто еще не один день будет грызть гранит школьных наук. Хочешь, не хочешь, а пора приготовить портфели и ранцы, браться за учебники и тетрадки. Но сначала – торжество первого школьного дня.

Людка и Валька в коричневых формах и белых фартуках. У Людки – тщательно выглаженный, новенький алый галстук, у Вальки – октябратская звездочка. С прошлогодними портфелями и свежими букетиками цветов взволнованные девчонки вышли с матерью из дому и направились в сторону школы. На солнечной улице их подхватил и поглотил говорливый ручей детворы, текущий в школьный двор, уже наполненный веселым гамом и многоцветьем красок.

После недолгих поисков Екатерина сдала дочерей на попечение классным руководителям и ушла на работу.

Школьная линейка началась. Людка стояла среди незнакомых ей ребят теперь своего пятого класса и украдкой их разглядывала. Мальчишки и девчонки в свою очередь бросали на новенькую любопытные, лукавые взгляды, перешеп-

тывались. Ей стало неловко, и она обратила внимание на ребята, галдящих напротив нее.

И вдруг Людка почувствовала, как запылало, словно от огня в печи, ее лицо: она увидела Женьку Воронина. Значит, они будут учиться в одной школе! Она сможет видеть его изо дня в день! Все внутри нее ликовало. Девочка почувствовала себя безмерно счастливой.

Женька тоже увидел подругу, приветливо улыбнулся, подмигнул. Но рядом с ним егозили одноклассники. Не будет же он девчонке уделять много внимания? И его знакомая мордашка отвернулась на назойливое торможение и словесный поток юркого одноклассника. И Людка не стала на него пялиться, заставила себя видеть и слышать то, что происходило на линейке.

Школьная церемония завершилось первым призывным звоном колокольчика, и ученики разошлись по классам. Людке повезло: ее, как и мечтала, посадили за первую парту рядом с чистеньким мальчиком в очках. Прямо перед ними стоял учительский стол. Новоприбывшая пятиклассница внимательно слушала классного руководителя, аккуратно писала в дневнике расписание уроков, но все это время перед глазами у нее стоял образ паренька, товарища летних игр и забав.

Женька Воронин учился в другом, в шестом классе. Видеть его Людка могла только на перемене. В минуты сво-

бодного времени она бродила по коридору школы, выбегала на школьный двор, чтобы хоть мельком взглянуть на друга. Иногда ей везло.

Вот и сегодня, выскочив после звонка с урока на свежий воздух, среди ребят в трикотажных спортивных костюмах на школьном стадионе Людка разглядела знакомую фигуру. Женька стоял к ней спиной и правой рукой держался за стойку турника. Мальчишки о чем-то оживленно переговаривались, а Женька, держась за трубу, откидывался на расстояние вытянутой руки и затем возвращался в прежнее положение. Уединившись в тени пыльного раскидистого куста сирени, девчонка поела мальчишку глазами и, словно мороженое в вафельном стаканчике, таяла от скрытого волнения.

– Кого это ты тут высматриваешь? – неожиданно подскочила к ней одноклассница, Ирка Телегина.

– Ой, напугала ты меня, Ирка! Никого я не высматриваю, просто стою.

– Гляди, какая пугливая! – крепко обняла Ирка подругу. – Хватит стоять, побежали в класс. Звонка не слышишь.

В тот день после уроков в актовом зале школы показывали кино. Людка на сеанс опоздала и когда вошла в зал, то оказалась в полутемном помещении, где ярко светился экран и смутно угадывались фигуры зрителей. «Людка, – услышала она шепот, – иди сюда, место есть». Кто-то ухватил ее за руку и потянул на скамейку рядом с собой. Это был Женька.

Если бы Людка не села, она бы, наверно, упала. Тесно при-

жавшись к боку мальчишки, девочка окаменела. Растерянная и безмерно довольная, ничего не понимая из того, что происходило на экране, она наслаждалась неожиданной близостью с тем, с кем давно не говорила, не играла, кому, смущаясь, не глядела улыбочиво в большие серые глаза.

Людка видит Женьку очень редко, мельком. И как не напъешься в сухой жаркий день каплей воды, так не утихомиришь душевный огонь случайными мимолетными встречами. Пламя любви разгоралось в девочке все сильнее и сильнее. Пройдут годы. Скорее всего, забудутся имена учителей, одноклассников, друзей, но имя Женьки Воронина в Людкиной умственной и душевной памяти не сотрут расстояния, не затмит время и новые увлечения. Что и говорить – первая любовь!

Когда во время очередной генеральной уборки в доме Людка с матерью запевали лирическую песню, девочка изливала в ней и свою нежную печаль по любимому. Но Екатерина, измотанная работой, придирчивым мужем и материнскими хлопотами, не замечала никаких изменений в поведении и внутреннем состоянии своей повзрослевшей дочери.

В начале октября учащимся средних и старших классов объявили: они едут на сбор хлопка. Помощь школьников и студентов в уборке урожая хлопка – дело обычное. Поэтому детвора нисколько не удивилась такому событию, а приняла его с воодушевлением: какому ученику не хочется – а в та-

ком случае на законных основаниях – прогулять уроки? Обрадовалась неожиданному оповещению и Людка.

– Куда это ты так вырядилась? – утром, пристально глядя на Людку, поинтересовался отец: Николай увидел на дочери шаровары. Их, эти штаны, на жене и дочерях он терпеть не мог, чего Людка понять никак не могла.

– Ее на хлопок посылают, – влезла в разговор Валька, прикалывая на грудь звездочку.

– Понятно! Еду не забудь с собой взять и воду, – примирительно бросил отец, отправляясь на работу.

Екатерина собрала дочери сумку, и сестры отправились в школу.

– Люда, а ты на хлопке не потеряешься? – остановившись у школьной двери, обратилась к сестре Валька.

– Не бойся, не потеряюсь. А ты учишься лучше, – засмеялась Людка и побежала к только что подъехавшим двум грузовикам с наращенными бортами.

Ребятня быстренько забралась в кузов видавшего виды транспорта. Затем машины медленно выехали со школьного двора и понеслись сначала по асфальтированному шоссе, а затем по полевой дороге.

Людке опять улыбнулась удача: она стояла у самого переднего борта, придерживаясь за его теплую дрожащую древесину. Перед ней, будто в киноленте, разворачивалась широкая панорама бегущих домов, садов, полей и дорог. Осень еще не отняла у земли тепло, и зелень, хоть и подуставшая за

изнурительно жаркое лето, веселила глаз, утренний ветерок по-дружески бил в лицо, освежая мысли и оголяя чувства.

Вся во власти меняющейся картины сельской местности и легких ударов ветра Людка не замечала толкотни и криков ребят за своей спиной. Но вдруг она почувствовала, что кто-то дернул ее за косичку. Девочка обернулась: на нее смотрели и дерзко улыбались серые Женькины глаза. «Людка! Привет!» – прокричали его губы, но девчонка потеряла дар речи и ничего ему не ответила.

Она быстро отвернулась, подставляя запылавшее лицо дружелюбному потоку воздуха, но тут же снова взглянула на Женьку и, невероятно обрадованная, засмеялась.

Весь оставшийся путь она то и дело поворачивала голову и, глядя на друга, громко хохотала. А мальчишка дурачился, протягивал сквозь подвижную толпу сверстников руку, дергал ее за тонкую косичку и не догадывался о том, что его летняя подружка сходит по нему с ума и поэтому безумно рада его, в общем-то, хулиганской игре.

На полевом стане грузовик, в котором вместе оказались Людка и Женька, остановился, и детвора попрыгала на землю. Через некоторое время, так же оставляя за собой серый шлейф дымящейся пыли, как и первая, подъехала вторая машина. Всем выдали фартуки, показали, где собирать хлопок. Мальчишки гурьбой отделились от девчонок, и Людка на целый день потеряла Женьку из виду.

Собирать хлопок Людке никогда раньше не приходилось.

Она одной рукой медленно вытягивала белую вату из раскрывшейся колкой коробочки и аккуратно прятала ее в фартук. «Люда, – обратилась к ней пионервожатая Лена, – смотри, как надо собирать». Она быстро заработала обеими руками, и через мгновение куст перед ней был пуст – ни одного белого комочка.

– Лена! А где ты так хорошо научилась собирать хлопок? – подняла голову от своего куста Садыкова Зульфия.

– В институте. По пятьдесят килограммов в день собирала. От райкома комсомола грамоту получила.

– А мы и по пять не соберем, – вздохнула Оля Щекина.

– Соберете, девочки! И не по пять, а больше. Если хорошенько постараетесь, – подбодрила девчонок Лена и пошла к бригадиру участка.

Работать Людка умела. Работать ей не привыкать. Первая мамина помощница. Ну и что, что дело новое! Вот сейчас возьмется, и все у нее получится. И взялась! Старалась так, что даже о Женьке забыла. Тянула, не разгибаясь, из жестких коробочек белоснежные пушистые шарики, прятала их в фартук и оставляла за собой опустошенными куст за кустом. К концу работы болели исцарапанные руки, ныла уставшая с непривычки спина. Но своим первым рабочим днем на хлопковом поле Людка осталась довольна: она собрала пять килограммов и ее похвалила вожатая.

Перед отъездом домой началась перекличка. Не досчитались Женьки Воронина и Киселевой Светки. Светка была

дочерью начальника участка нефтеразведочной экспедиции и училась в одном классе с Женькой. Рослая длинноногая девочка с длинной косой нравилась многим мальчишкам не только из шестого класса. Девчонки же заглядывались на ее красивые туфли и яркие ленты.

– Ребята, кто видел Женю и Свету? Нам нужно ехать. Ваши родители будут беспокоиться. Что же делать? – волновалась завуч школы Надежда Викторовна.

– Давайте мы их поищем, – предложил кто-то из мальчишек.

– Хорошо, только далеко не разбегайтесь.

Самые активные бросились в разные стороны и стали звать пропавших. «Женька! Светка!» – неслось над полями, но никто на зов не откликнулся. Вместе с другими беспокойно бегала и кричала Людка. Поиски ни к чему не привели, решено было ехать. «Пусть добираются, как хотят!» – в сердцах сказала завуч, и первая машина, в которой стояла и Людка, тронулась в путь. Второй грузовик ждал ребят, не успевших сдать хлопок. Главной оставалась старшая пионервожата Лена.

Поля уже опустели, людей не было видно: сборщики на полевых станах сдавали наработанные килограммы. Утомленное солнце медленно катилось на запад – от каждого растения в одном направлении ложилась длинная тень. Грузовик бежал по полевой дороге, оставляя за собой пыльное облако, в котором исчезала и дорога, и придорожные кусты.

Как ни напрягала Людка зрение в поиске где-то затерявшихся Женьки и Светки, их нигде не было видно.

Автомобиль, урча и покачиваясь, подходил к мосту, перекинутому через канал. Вдруг справа на обочине, перед мостом, дети увидели Светку. Она смотрела на подъезжающий грузовик. Из-под откоса к ней поднимался Женька. Мальчишка и девчонка встали рядом, глядя на машину в надежде, что их подберут.

Но они ошиблись: никто на борт их брать не собирался. Сердитая на недисциплинированных учеников Надежда Викторовна, зная, что следом пойдет другая машина, приказала водителю не останавливаться и ехать дальше. В то время как грузовой автомобиль медленно катил мимо заблудившейся парочки, ученики в грузовике все как один с нескрываемым любопытством глазели на Воронина и Киселеву.

– Светка! Догоняй! – весело закричал Петька Звягинцев.

– Женька! А ты ее на спину и вези! – подхватила под хохот ребят Ирка.

– Куда ему! Он силу на хлопке потерял!

– Будут знать, как от коллектива отрываться! – подвела итог насмешкам мальчишек и девчонок староста шестого класса Садихон Турсунова.

В то время как ребята обидно подшучивали над незадачливой парочкой, Людка молчала. Она не хотела и не могла кричать: у нее пересохло горло. Нет, она не ревновала Женьку к Светке. В тот момент она не испытывала ни обиды, ни

злости, ни разочарования. Просто в жуткую минуту позора рядом с Женькой, вместо его подружки, стоять у моста хотела она сама.

Грузовик с ребятами миновал мост и покатил дальше, а мальчишка и девчонка на обочине дороги спокойно, как казалось Людке, даже равнодушно смотрели ему вслед. Все едкие словечки в их адрес пролетали мимо, не меняя выражения их лиц. И остолбеневшая Людка вдруг прозрела: между Женькой и Светкой была та взаимная глубокая привязанность, которую опорочить и разрушить не в силах никто и ничто.

Насильно мил не будешь. Людка не знала этой народной мудрости, но горечь ее открытия испытала вполне. Почти всю долгую ночь девочка провела без сна. Она, молча рыдая всем своим юным существом, жалела себя и убирала свое безответное нежное чувство в самый укромный уголок сердца, чтобы иногда доставать его, растравляя зарубцевавшуюся рану, и снова прятать на неопределенный срок.

Глава 7

Семейная драма

В конце первой четверти Людка и Валька принесли в дневниках категоричное приглашение родителей на собрание. В школу, как всегда, отправилась Екатерина. Уходя на собрание, она наказала старшей дочери выучить с Валькой

уроки, привести из детсада малышей, накормить всех ужином и дожидаться возвращения ее и отца.

Сначала Екатерина открыла дверь класса, где училась старшая дочь. Успела прийти вовремя: отмечали присутствующих. Мать усадили на место Людки.

– Наше собрание мы начнем с беседы на тему «Роль родителей в коммунистическом воспитании детей», – обратилась к матерям – ни одного отца в классе не было – Нина Петровна, классная руководительница пятого класса. – Вы все, товарищи, знаете, что 17 октября нынешнего года состоялся XXII съезд партии, на котором была принята новая Программа КПСС. В эпоху перехода от капитализма к социализму партия уделяет большое внимание воспитанию все-сторонне развитого человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Малограмотной Екатерине, абсолютно равнодушной к политике, стало скучно.

– Каждая семья может и должна содействовать школе в осуществлении поставленных задач, – требовательно продолжала педагог. – Какие конкретные задачи стоят перед вами, родителями? Это, прежде всего, правильная организация домашних занятий, соблюдение режима дня школьником, вовлечение детей в работу по самообслуживанию.

«Уже слышала об этом, – с досадой подумала родительница. – На скольких собраниях побывала. Мне о моей дочери надо узнать: как она ведет себя в школе, как к ней относятся учителя, дружит ли она с одноклассниками. За этим и пришла». Но прерывать Нину Петровну не будешь, и Екатерина, вынужденная слушать знакомые наставления, стала ждать, когда скажут что-нибудь о Людке.

– В нашем ученическом коллективе тридцать человек, – наконец перешла к классным делам учительница. – Из них на конец четверти – одиннадцать отличников и хорошистов. Хочу поблагодарить родителей этих детей за правильный подход к воспитанию в детях сознательного отношения к труду и учебе.

«Нас с Николаем, значит, тоже хвалят: у Людки в дневнике одни пятерки», – подумала, довольная, Екатерина.

– Особенно активные пионеры – это председатель совета отряда Алимат Иргашев, звеньевая первого звена Турсунной Ахмеджанова, физорг Гена Стрельченко и культорг Люда Никитина. Эти ребята обладают хорошими организаторскими способностями, проявляют самостоятельность и инициативу.

Услышав наконец имя дочери, Екатерина улыбнулась: «Молодец, Людка! Учится хорошо, не пасет задних и в пионерских делах».

– Могучим средством воспитания у молодежи нашей страны самых высоких качеств, – привычно вела речь Нина

Петровна, – являются произведения советского искусства. На отрядном сборе, посвященном Дню Великой Октябрьской социалистической революции, Люда Никитина прочитала отрывок из поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин», называется он, этот отрывок, «Партия и Ленин – близнецы-братья». Я была приятно удивлена: это произведение изучается в старших классах. Екатерина Афанасьевна! – неожиданно для той обратилась учительница. – Не могли бы вы нам рассказать, откуда ваша дочь знает его.

– Это все отец, – слегка смутившись, ответила Екатерина. – Людке было шесть лет. Отец разучил с ней это стихотворение к новогодней елке. Дед Мороз тогда подарил ей самую большую игрушку – медведя.

– Я думаю, – подвела итог беседе классная руководительница, – что в каждой семье должны уделять больше внимания чтению. «Книга, прочитанная в детстве», – говорила Надежда Константиновна Крупская, – производит настолько сильное впечатление, что остается в памяти на всю жизнь, она нужна ребенку не меньше, чем школа».

Нина Петровна раздала табеля с четвертными оценками, кое-кого из родителей оставила для личной беседы, и собрание закончилось. Екатерина, успокоенная сказанным о дочери, не стала донимать учительницу своими вопросами. Она тепло попрощалась с ней и направилась в Валькин класс.

Все уже разошлись, и только Ольга Ивановна, наставник младшей дочери, собирала со стола книги и тетради, гото-

вась идти домой.

– Здравствуйте! – радушно поздоровалась Екатерина. – Я – мама Вали Никитиной. Извините, что на собрании не была, – в пятом классе задержалась. Как моя Валентина?

– Скромная девочка, учится средне. Какие у вас условия в семье? – мельком взглянула на Екатерину Ольга Ивановна и, опустив взгляд на учительский стол, продолжила укладывать вещи в портфель.

– Да какие условия? Мы с отцом целый день на работе, вечером домашние дела. Нас шестеро все-таки, – будто оправдываясь, ответила Екатерина.

– Кто же уроки с Валентиной делает? – продолжила сухо спрашивать наставница, не прекращая заниматься своим делом.

– Сама делает, а старшая их потом проверяет. Они у меня самостоятельные, – в голосе матери зазвучали горделивые нотки.

– Это хорошо, что старшая помогает, но нельзя снимать с себя ответственность за воспитание и обучение Валентины. Это все-таки ваш ребенок, – назидательным тоном завершила разговор классная руководительница.

– Я постараюсь, извините, до свидания, – виновато проговорила Екатерина и вышла из класса.

Уже вечерело, когда Екатерина покинула здание школы. Она шла по затихающим улицам и переваривала то, что

услышала. Разговор с Ольгой Ивановной взбудоражил ее и вызвал в душе отвратительное, непреходящее ощущение вины и обиды.

«Умница какая! – мысленно обратилась обиженная мать к учительнице. – А ты попробуй везде успеть. Голова пухнет от дум, чем семью накормить, напоить, одеть и за какие деньги. Разве это зарплата? Только получишь, уже денег нет. Как в прорву все летит. А тут еще Николай дурит. Замучил он меня совсем своим характером».

–Твой-то готовый пришел, – встретила ее у дома соседка. – Может, переждешь у меня, пока уснет?

–Нет, Люсь, я домой. Там дети. Может, обойдется.

Не успела Екатерина показаться на пороге дома, как тут же услышала:

– А, явилась, не запылилась! Ты где шлялась? Дети дома, а ее нет!

Николай сидел за столом, подпирая голову руками. Затуманенные алкоголем глаза тупо смотрели на жену.

– Нажрался, как свинья, и допрос устраиваешь! – резанула словом Екатерина и прошла в спальню переодеться.

Младшие уже лежали в кроватях, только Людка сидела за столом над раскрытой книгой. Она встревоженно посмотрела на мать.

– Ничего, ничего, – попыталась успокоить ее Екатерина и, надев халат, вышла на кухню.

– А губы-то накрасила! Для кого это? Для хахаля? – встре-

тил ее пьяный голос.

– Да я на собрании родительском была, идиот! Залил зенки и не соображаешь, что мелешь.

– Так это для собрания ты так вырядилась, б... такая?!

Тут Людка услышала звук удара и материн крик:

– Ты что, озверел? Ты чего дерешься, гадость вонючая!

Девчонка влетела в кухню. Отец, подперев руками бока, слегка шатаясь, стоял возле матери. Дочь подскочила к ней и закрыла мать собой.

– Папа, не дерись! – умоляюще глядя на отца, заплакала Людка. Но потерявший над собой контроль Николай отшвырнул дочь в сторону:

– Пошла отсюда, а то тоже получишь!

Он снова потянулся к жене, но та отшатнулась, и Николай, не получив опоры, полетел на пол. Екатерина, схватив дочь за руку, толкнула ее к двери и выскочила следом за ней на улицу.

– Беги к тете Люсе! – приказала она дочери.

– А ты куда?

– Не знаю, похожу где-нибудь, пока наш зверь не успокоится.

Людка забежала в квартиру к соседке:

– Тетя Люся! Можно, я у вас посижу. Папа дерется.

– Вот кобель неумный! Опять руки распускает. Конечно, посиди, а я сейчас. – И вышла из дома.

Не успела Людка сесть, как неожиданно дверь распахну-

лась. Только в самом страшном сне девочка могла увидеть такое: на пороге стоял отец, а в его правой руке холодно сверкал широкий кухонный нож. Николай обвел мутным взглядом помещение, в упор посмотрел на обреченно застывшую на месте дочь и исчез в темнеющем пространстве. Людка мгновенно сообразила, что он ищет мать, и выскочила следом за ним. Увидев спину отца, сворачивающего за угол, она побежала в ту же сторону.

С ножом в руке, похожий на бандита, Николай размашистым шагом шел по пустой вечерней улице и не оборачивался. Перепуганная Людка, прячась за деревьями, кралась за отцом, не выпуская его из вида. «Куда он идет?» – думала она. Прохожих, как назло, не было видно. Все будто попрятались в свои дома, чтобы не быть свидетелями этой ужасной сцены. И разбушевавшийся мужчина, чувствуя себя хозяином положения, беспрепятственно продвигался вперед.

Перед аптекой Людка наткнулась на большую клумбу с пышными розами. Только недавно обрызганные водой, цветы выглядели свежо и празднично. «А зачем здесь розы?» – почему-то мелькнуло у нее в голове. Видя, что отец все дальше и дальше уходит от дома, девочка повернула обратно.

Мать Людка застала на кухне. Екатерина только что успокоила напуганных малышей и теперь убирала со стола.

– Ты где была? У тети Люси? – спросила она, увидев дочь.

– Нет. Шла за отцом. У него в руке нож. Он ищет тебя.

Мам, он нас убьет? – В глазах у девочки заблестели слезы.

– Ну что ты! Ничего он нам не сделает. Побесится и остынет.

Екатерина подошла к дочери, обняла ее и, прижимая ее голову к своей груди, тихо сказала:

– Напугал он тебя. Успокойся и иди спать.

Лежа на кровати, Людка долго прислушивалась к каждому звуку, доносящемуся из кухни – там было тихо.

Отец долго не приходил. Мать закрыла входную дверь на крючок, везде погасила свет и тоже легла. Ночная мгла, как заботливая нянька, приласкала обеих уставших и измученных женщин и укачала их. Разбудил Людку негромкий шум голосов. Лежа в полной темноте, она прислушалась.

– Кать, ты прости меня. Ну, не хотел я. Это все водка, будь она неладна, – просительно говорил отец.

– Ты чего за нож схватился? Совсем из ума выжил? Детей до смерти напугал. Людка вон дрожит от страха как осиновый листок.

– Да не хотел я, – повторял виноватым голосом отец, – бес попутал.

– Не заглядывал бы в рюмку, так не путал бы, – вычитывала мать, – совсем совесть потерял, папочка родимый. Забыл, как Людке-малютке из вагона-ресторана колбасу носил, по математике помогал ей в младших классах, стихи с ней разучивал. На собрании ее похвалили за учебу и эти стихи.

– Неужели не забыла? – удивился отец.

– Не забыла. Вырастет, будет, что девчонке вспомнить – и хорошее, и плохое.

– Ну, не буду я больше.

– Валька вон плохо учиться стала. Вместо того чтобы пьянствовать, ты бы лучше с ней позанимался. Да и на Витьку со Светкой совсем внимания не обращаешь. Некогда тебе. Они тоже: вырастут и вспомнят «заботливого» папашу.

– Да-а-а, – вздыхал отец. – Ну, не буду. Сказал, не буду, значит, не буду.

– А меня за что? – тихо заплакала мать. – Что я тебе сделала? Замучил ты меня своими придирками и драками.

– Кать, прости, а? Никогда больше на тебя руку не подниму.

Разговор прекратился, и Людка услышала мягкий звук поцелуя. «Мама и папа помирились», – успокоенно подумала она и закрыла глаза.

Скандалы бывают в каждой семье. Только проходят они по-разному. Одни супруги, поссорившись, перестают разговаривать друг с другом. Это означает одно – каждый обижен, считает себя правым и не желает мириться первым. Другая пара переходит на официальный стиль общения: один к другому обращаются на «вы», как сотрудники. Третьи хлещут друг друга словами, словно розгами, не прочь доказать свою правоту руками, схватиться за холодное или горячее оружие, а то и в ход его пустить.

Когда же в семье приходит мир, то все одинаково счастли-

вы: муж и жена свежо улыбаются друг другу, оказывают знаки внимания – правда, каждая пара по-своему – и надеются, что разногласий больше не будет. Екатерина после очередного семейного раздора тоже верила, что муж возьмется за ум, перестанет глотать спиртное, больше времени станет проводить с детьми. Действительно, Николая на какое-то время будто подменили: он возвращался раньше с работы, долго возился с малышами и помогал жене и своим ученицам.

Глава 8

Глубокая тайна

Людка, спокойная за родителей, продолжала страдать по Женьке Воронину и частенько бегала секретничать к подруге Лильке, дочери Насти. Правда, о своих чувствах к симпатичному жизнерадостному мальчишке она соседке не рассказывала. «Лилька! – отправляясь гулять, звала она подругу, постучав той в дверь. – Пошли качаться на качелях?» Выходила рослая, не по годам развитая девчонка с куском хлеба в руке. Подруги шли к дворовым качелям, окруженным местной детворой.

Азиатская осень, как обычно, щедро лила на землю тепло. И дети нежились в солнечных лучах, стоя вокруг взлетающей вверх и вниз широкой доски на толстых веревках. Дворовая ватага зевак следила за взлетающим к небесам Мишкой Гончаровым. Туда-сюда, туда-сюда мелькали взъерошенный

рыжий чуб мальчишки, его цветная рубашка и серые штаны.

– Миш, ну хватит, дай другим покачаться, – канючила девтора, – ты вон уже сколько качаешься.

– Сейчас, еще немного, – на лету ронял разошедшийся Мишка.

– А я домой пойду, – томно вздохнула Маринка, дочь инженера и большая задавака. – Сейчас кино по телевизору будут показывать. «Сорок первый» называется.

Внимание ребят мгновенно переключилось на Маринку. Телевизор в ближайшей округе был только у нее, и дети из простых рабочих семей частенько подлизывались к девчонке, чтобы она пригласила их посмотреть что-нибудь по телевизору, неважно что. А тут кино! Екнуло сердечко и у Людки. Кино она особенно обожала. Может, потому, что редко его видела. Телевизор же был для ее семьи недостижимой мечтой. «Марина, а нас с Людкой пустишь на кино? – заискивающе начала Лилька. – Мы тоже хотим посмотреть». Ребятня замерла в ожидании, уставившись Маринке в глаза: у нее было из кого выбирать. Владелица магического ящика в это мгновение чувствовала себя королевой.

– Хорошо, Лиля, – жеманно протянула Маринка, – беру тебя с Людой, Мишу и Диму. Извините, больше никого не могу: мама не пустит. Миша, пойдешь ко мне кино смотреть? Я приглашаю, – перевела она на мальчишку глаза красавицы. Он в это время летел вверх.

– Что? – свободно падая на доске вниз, прокричал Миш-

ка.

– Идем ко мне смотреть телевизор! – громко, уже не кокетничая, сказала Маринка.

– Нет, не хочу, я буду качаться! – отказался тот.

– Как хочешь! – обиженно поджала губки хозяйка телевизора. – Пойдемте, ребята.

Маринка, а за ней Лилька, Людка и влюбленный по уши в Маринку Димка направились в сторону небольшого домика, в котором жили инженер с семьей.

– Подождите, я сейчас, спрошу у мамы, – остановила ребят у калитки девчонка и, поднявшись по деревянным ступенькам крыльца, скрылась за дверью.

На душе у Людки было гадко. Ей очень хотелось посмотреть фильм, и в то же время она чувствовала себя не в своей тарелке оттого, что ей приходится напрашиваться к незнакомым людям в дом, долго стоять перед закрытой калиткой и ждать милостивого разрешения войти. Через несколько минут Маринка показалась в полуоткрытой двери и позвала:

– Заходите, разрешили!

В прихожей ребят встретила милая стройная женщина, Маринкина мать.

– Проходите, не стесняйтесь, – пригласила она гостей в комнату, служившую семье залом. – Располагайтесь вот здесь, на полу.

«Зрители» суетливо опустили рядком на ковер.

Включили телевизор. Заканчивалась какая-то передача, и

Людка осмотрелась. «Как чисто и красиво!» – сразу заметила она. Очевидно, в доме только что сделали уборку. Все вещи красовались на отведенных им местах. Коричневый пол блеснул так, будто его не вымыли, а только что выкрасили заново. Девочка с удовольствием рассматривала дорогую мебель, яркие ковры на полу и стене, хрустальную посуду в серванте и фарфоровые безделушки на вязаных крючком салфетках. Такого достатка и уюта в скромной квартире многодетной семьи Никитиных не было.

На маленьком экране телевизора появились титры фильма, первые кадры, и Людка погрузилась в атмосферу революционных бурь. Красноармейцы с ружьями за спиной, трудный переход по безводной пустыне, пленный кадет с секретным заданием, взятый красноармейцами в плен и отданный под охрану девушке, отличному стрелку, – есть на что посмотреть.

А вот пленный и девушка на небольшом безлюдном острове. Он мягкий, покладистый – она суровая, непримиримая, но с чутким сердцем. Он образованный, начитанный – она простая, малограмотная. Совсем разные люди – белый и наша.

И вдруг...любовь! Они счастливы. И нет им никакого дела до гражданской войны, до вражды и крови. Но...одинокий парусник в море как вестник приближающейся беды. «Наши!» – радостно восклицает поручик, устремляясь навстречу лодке. «Стой, кадет поганый!» – непримиримо кри-

чит девушка, нацеливая на любимого ружье. Выстрел! И тоскливый вопль по возлюбленному: «Нет! Синегла-зенький...».

На девчонок жалко было смотреть. Они, не отрывая глаз от экрана, размазывали руками по щекам соленую влагу, горько шмыгали носами, прерывисто вздыхали. Димка тоже переживал, но, как стойкий оловянный солдатик, не плакал.

После кино Лилька зашла к Никитиным.

– Тетя Катя, разрешите Людке у нас ночевать: мама сегодня в ночную смену, а мне одной страшно.

– Хорошо, – разрешила Екатерина, – только не безобразничайте там. А сейчас садитесь ужинать.

Спать девчонки легли на одной кровати.

– Лиль, а кино тебе понравилось? – тихо проговорила Людка.

– Еще бы! – протянула та. – Белый-то какой красавец! В такого можно влюбиться.

– Жалко, что она его убила. Сама-то вон как потом кричала от горя.

– А как они целовались! Прямо страсть смотреть. Наверно, это очень приятно, когда мужчина крепко прижимает тебя к себе. А потом гладит вот так. – Лилька медленно провела рукой по округлым крепким зародышам на Людкиной груди. – А потом вот так. – Рука подруги двинулась в обратном направлении.

Ошеломленная Людка не успела сообразить, что к чему,

как Лилька повернулась набок, затем всем телом навалилась на нее, пластом лежащую на спине.

– А потом он делает вот так, – горячо зашептала она Людке в ухо и медленно задвигалась на ней вперед, назад.

Лилька была тяжелая, ее движения по запретным местам были необычны. Несколько мгновений в комнате слышалось только шумное дыхание девчонок. Неожиданно Людка уперлась руками подруге в грудь и резко оттолкнула от себя. Наздница полетела с кровати на пол.

– Тьфу, дура! – выругалась она, поднявшись с пола. – Так еще и детей делают. Ну и спи одна, а я на диване лягу.

Людка повернулась лицом к стене и затихла. От волнения и стыда она долго не могла успокоиться. Откуда Лилька знает такие вещи? Никогда дочери Никитиных не приходилось видеть ничего подобного. Объятия и поцелуи – да, сколько угодно. А все остальное... Ну, знает она, как рождаются дети – в ее медицинской книжке нарисовано. А как они попадают в живот, об этом она не задумывалась. У матери она ни о чем не спрашивала. Та ей об этом не говорила. Оказывается, вот как!

Но не только это открытие потрясло девочку. Сильно смутило ее само действие. Она сознавала, что Лилькин поступок плох, что так хорошие девочки не делают, и решила, что о происшедшем не должен узнать никто, что теперь это их с Лилькой глубокая тайна. После этого случая Людка с подругой продолжала водиться, но ночевать к ней больше не хо-

дила и никогда о том, что произошло, с ней не говорила. Не поделилась она своим секретом и с матерью, хотя та думала, что дочь с ней вполне откровенна и при случае обо всем расскажет.

Наивные правильные мамы! Они думают, что пользуются полным доверием у своих детей, что их чада никогда ничего от любимых мамочек не скрывают. Попробуйте убедить самоуверенных родительниц в обратном. Ничего не выйдет. Давно замечено: слепа и глуха материнская любовь.

Екатерина, не впадая в излишнюю, на ее взгляд, откровенность, будет часто рассказывать уже подростковой старшей дочери разные поучительные истории, в которых девушки попадали в беду из-за нескромности, любопытства и излишней доверчивости. Мать, прежде всего, хотела, чтобы дочь выросла чистой, целомудренной девушкой; чтобы ошибки других помогли ей не наделать своих; чтобы она не принесла в подоле, не опозорила родителей и была счастлива.

Бывальщину Людка слушать любила, и Екатерина была уверена, что ее материнскую науку дочь усвоит на всю жизнь. Правда, говорят, душа людская – потемки, и много в жизни коварных соблазнов, перед которыми трудно устоять женщине и слишком юной, и умудренной жизненным опытом.

Глава 9

Трудные будни

Вскоре зеленый змий снова одолел Николая. Он частенько являлся домой под градусом. Войдя, покачиваясь, в дом, пьяный мужчина обводил мутным взглядом голубоватых глаз своих домочадцев, тяжело усаживался за стол, молча ужинал, затем рывком отодвигал пустую тарелку и начинал показывать, кто в доме хозяин. Душа у Людки и Вальки уходила в пятки, когда на подпитии отец требовал у них дневники. Медленно переворачивая страницу за страницей, он высматривал в них двойки и тройки.

– Валька! – упруго нажимая на каждое слово низким голосом, говорил отец. – Опять тройка по математике.

– У меня задача не получалась, когда самостоятельную писали, – слегка заикаясь, оправдывалась та.

– А я вот возьму ремень, так она быстро у тебя получится.

– Я больше не буду, – начинала хлюпать носом Валька, не сознавая, чего она больше не будет.

– А у тебя что? – отец, с трудом двигая неподдающимися пальцами, открывал школьный документ старшей дочери. – Сейчас посмотрим.

Девочка знала, что там все в порядке, но ожидание приговора отца было крайне неприятно.

– Молодец! – подводил итог изучению Людкиных достижений осоловевший от алкоголя родитель. И, уже обращаясь к младшей дочери, заканчивал:

– Валька! Бери пример с сестры, а то будешь бита.

От пьяных выходок главы семьи Екатерина с детьми не знали покоя ни днем, ни ночью.

– Коля, почему ты опять пьешь? Ты же обещал не пить. И уже не один раз, – возмущенно выговаривала Екатерина мужу.

– А как тут не запьешь? Опять денег нет. На Устюрт надо ехать. Там хорошо платят. За счет коэффициента.

– Сколько же мы мотаться будем? Еще не весь Узбекистан объездили? Сначала Чимион, потом Риштан, а теперь Каракалпакия? Только немного прижились, и опять в погоню за этими чертовыми деньгами?

– Нечего было столько рожать. Настрогала четверых, теперь помалкивай, – раздражался Николай.

– Дети-то здесь причем? Ты говори, да не заговаривайся. Вместе клепали. Раньше надо было головой думать, – сердилась Екатерина.

– Что ругаться-то без толку. Скандалом дела не поправишь, – примирительно продолжал Николай. – Может, поедем?

– Хорошо, поезжай! – в сердцах однажды бросила уставшая от бесконечной нервотрепки женщина. – Сначала один поедешь, а как устроишься, так меня с детьми вызовешь.

На том и порешили. Екатерина собрала мужа в дорогу, и в начале ноября старший Никитин подался в Каракалпакию. Через полмесяца от него пришло письмо. Глава семейства сообщал, что устроился работать дизелистом в нефтеразве-

дочную экспедицию, что живет на плато Устюрт в рабочем поселке и что, как только появится возможность, сразу вышлет деньги.

Потянулись однообразные трудные будни. Мать целый день пропадала на работе. После школы Людка с Валькой наводили порядок в доме, делали уроки, а потом забирали малышню из детского сада.

Сухая разноцветная осень уступила место хмурой, дождливой зиме, а письма от кормильца все не приходили. И вот наконец в середине декабря семья получила от него перевод на пятьдесят рублей. Екатерина улыбалась, детвора прыгала от радости.

– Мам, а что мы будем делать на эти деньги? – поинтересовалась Людка.

– Купим тебе новое пальто.

– А еще что?

– А еще колбаски, конфет и новые тетрадки вам с Валькой.

В выходной день все отправились за покупками. Пальто Людке действительно было нужно: из старого она давно выросла. Выбирали долго. Людка, увидев цену, отказывалась покупать дорогую, как ей казалось, верхнюю одежду.

– Люд, как тебе это пальто идет! – расхваливала очередную одежду Екатерина.

– Мам, не хочу я это. Я в нем как бочка.

– А вот это? Цвет хороший, не маркий. И сидит на тебе

хорошо. Правда, Валь?

– Красиво, – соглашалась сестра.

– А сколько стоит? – интересовалась Людка.

– Цена подходящая, – уговаривала мать.

– А Витьке со Светкой хватит денег, чтобы купить какие-нибудь игрушки?

– Игрушки, – повторяла Светка.

– Не беспокойся, хватит! – смеялась Екатерина.

– А Вальке?

– Всем хватит, не переживай, – успокаивала мать.

В этот день в доме Никитиных был настоящий праздник. Людка, надев обновку, кружилась по комнате. Витька шумно катал по полу красную машинку. Светка нежно нянчила маленького плюшевого медведя. Валька сосредоточенно рассматривала новую книжку.

– Мам, а тебе мы ничего не купили! – заглянув на кухню, где мать готовила ужин, вдруг спохватилась Людка.

– Ну-ну, не грусти, – благодарно взглянув на дочь, вздохнула Екатерина, – в другой раз купим.

Но другой раз всё не наступал. Ни писем, ни денег из далёкой Каракалпакии Екатерина с детьми не получали. Тридцать рублей, которые зарабатывала мать четверых детей, расходились очень быстро. Екатерина была человеком жизнерадостным и стойким. Огромное трудолюбие и крестьянская хватка помогали ей не впасть в отчаяние и преодолевать денежные затруднения. Но Людка все-таки заметила, что на

обычно веселом лице матери погасла улыбка, и, как могла, старалась сделать для Екатерины что-нибудь приятное.

– Мам, а мы с Валькой суп сварили, – сообщила однажды Людка пришедшей с работы уставшей матери.

– Из чего же вы его сварили? – спросила Екатерина, зная, что в доме съестного хоть шаром покати.

– А мы нашли немного картошки и риса.

Екатерина подняла крышку маленькой алюминиевой кастрюльки и заглянула внутрь. В прозрачном, как родниковая вода, постном супе плавало несколько резаных кусочков картошки и с десяток белых палочек риса.

– Хорошо, что Витька и Светка в садик ходят: их там накормят. Правда, мам? – заглядывая в глаза матери, успокаивающе произнесла Людка.

У Екатерины к горлу подкатил комок, но она сумела сдержать слезы.

– Сходите в садик с Валькой за малышами и сидите дома, – сказала она и ушла. Вернулась домой Екатерина в девять часов вечера. В потертой дерматиновой сумке она принесла продукты.

– Мам, где ты это достала? – удивленно посмотрела на мать старшая дочь.

– В чайхану уголь привезли, я напросилась разгрузать, немного денег заработала, – устало ответила Екатерина. – Дети спят?

– Да, я их уложила.

– Голодных?

– Нет, мы чай пили, с хлебом.

– Уроки сделали?

– Сделали. Мам, да ты не беспокойся, у нас все нормально.

– А ты почему спать не легла?

– Тебя ждала.

– Ах ты моя помощница, – улыбнулась мать. – Что бы я без тебя делала? Иди ложись, а то не выспишься.

Людка отправилась в постель. Легла и Екатерина. Она сразу уснула тяжелым мертвым сном, но вскоре проснулась: болели руки, ноги, ныла спина. Цену физическому труду женщина из крестьянской семьи знала хорошо: чаще в поле махала косой, чем стояла дома у печи. Скитания по Союзу за длинным рублем изменили ее жизнь – хоть и трудилась много, но давно не до изнеможения, как сегодня. Женщина слушала сонное дыхание детей, завывание февральского ветра за окном, не спала.

Ночного отдыха и покоя не давало не только утомление от работы. Кошки скребли на сердце.

«Что с Николаем? Почему не шлет вестей и денег? Может, что случилось? – волновалась Екатерина и здесь же сама себя уговаривала: – Нет, если бы в беду попал, то сообщили бы – в вещах адрес нашли и фотографии. А так...».

Тут ее мысли неожиданно потекли по другому руслу, а сердце наполнилось обидой и горечью.

«Наверно, подругу себе завел. Почему бы нет? Свекровь

б... , снохе не верит. Меня к каждому столбу ревнует, а сам готов за первой попавшейся юбкой бежать. А сейчас тем более. Холостяк! С глаз долой – из сердца вон. Нет, девчонки на летние каникулы пойдут – надо ехать».

Еще долго, как снежинки в лучах уличного фонаря, роились в голове женщины, оставленной на произвол судьбы где-то затерявшимся кормильцем, невеселые думы. Забылась под утро, будто провалилась в глубокую яму.

Голод не тетка. Вскоре безденежье опять заставило Екатерину искать спасительный приработок.

– Людка, – оторвала она от книжки дочь, придя в субботу с работы, – завтра пойдем с тобой к тете Нюсе, уберем у нее в комнате.

– А кто такая тетя Нюся?

– Одинокая больная женщина, недалеко живет.

– Хорошо, – ответила Людка и снова уткнулась в книжку.

В многодетной семье Никитиных, живущей в двух небольших комнатках, одна из которых служила кухней, уединиться было невозможно. Вот и сейчас Витька верхом скакал на стуле. «Но, но, но!» – разносилось по всей квартире. Светка укладывала спать потрепанную куклу. «А-а-а», – тихо напевала она, затаившись с «дочкой» в углу. А Валька сидела рядом с сестрой за столом и что-то писала в тетрадке. Но Людка не обращала никакого внимания на шум и гам. Она упивалась «Русланом и Людмилой» Пушкина. Уборка у какой-то там тети Нюси не испугала ее и не отвлекла от приятного за-

нятия – чистить, натирать, мыть девочка не боялась. Екатерина с малолетства приучала детей к физическому труду, и они каждый день в меру своих силенок помогали матери по домашнему хозяйству.

Впустив струю февральского холода, Екатерина со старшей дочерью вошли в маленький коридорчик чужого жилья и постучали в дверь комнаты.

– Входите! – послышался оттуда женский голос.

– Здравствуйте! Можно к вам? – войдя в тесное помещение, поздоровалась Екатерина.

Робко, следом за матерью вошла и поприветствовала хозяйку и Людка. Женщина уставилась на гостей большим взглядом, подождала продолжения.

– Я – Катя, – представилась Екатерина, – а это моя дочь Люда. Лена Прокофьева – мы вместе с ней работаем – сказала мне, что вам нужна помощь, – объяснила она свой приход.

В небольшой, тесно заставленной мебелью комнате, на кровати, спустив ноги, сидела хозяйка квартиры. Людку поразили размеры ее фигуры. Женщину будто накачали насосом для велосипеда. Ее руки, ноги, туловище, лицо – все было раздуто до предела. Казалось, легонько тронь ее иголкой, и она лопнет, как воздушный шарик.

– Проходите, не стесняйтесь, – тяжело дыша, проговорила женщина. – Да, я просила Лену найти мне помощницу. Сама, как видите, сделать уборку не могу. Раздевайтесь! Все

необходимое для работы – в коридорчике.

Пока вычищали от мусора и пыли комнату, разговорились.

– Катя, у вас четверо детей? – то ли спрашивая, то ли утверждая, заговорила хозяйка квартиры.

– Да, четверо, – подтвердила Екатерина, складывая в таз грязную посуду.

– Как вы с ними справляетесь? Наверно, нелегко вам?

– Старшие помогают, Людка да Валька. Они у меня молодцы!

– А у меня детей нет, – с горечью проговорила Нюся. – Ни мужа, ни детей.

Екатерина промолчала: не любила она лезть людям в душу. Захотят – сами расскажут о наболевшем. Большинство одиноких людей разговорчивы. Женщине, которая из-за болезни не могла выходить из дома, хотелось поговорить.

– Сейчас я на пенсии, а работала бухгалтером, – изливала душу больная. – Работа не пыльная, с людьми. Получала неплохо – было, за что обуться и одеться. Это сейчас я на тумбу похожа (кривая усмешка пробежала по ее лицу и исчезла), а так была фигуристой и на лицо ничего.

Людка, вытирая на прикроватной тумбочке пыль и переставляя бутылочки с лекарствами, взглянула на тетю Нюсю. Короткие растрепанные волосы каштанового цвета с проседью, припухшие веки, обвисшие щеки, двойной подбородок и бледные губы – вовсе не красавица. Но ожившие от вос-

поминаний синие глаза, правильной формы нос говорили о том, что на эту женщину когда-то заглядывался не один мужчина и не одна соперница втайне завидовала ей.

– От кавалеров отбоя не было, – с перерывами делилась пережитым Нюся. – Особенно меня добивался один инженер, Соколов Юрий Витальевич. Нечего говорить, импозантный был мужчина. Жаль только, что женат. Ухаживал он за мной очень красиво. Приходил ко мне с цветами, шоколадными конфетами. Чай попьем – я его и прогоню: иди к своей жене. На чужом несчастье своего счастья не построишь. Не знаю, чем бы все это закончилось, но погиб мой воздыхатель в автокатастрофе.

Женщина замолчала. Было слышно ее затрудненное дыхание и чмоканье мокрой тряпки – Екатерина домывала пол.

– С тех пор я одна: ни с кем свою жизнь не разделила, – досказала задумчиво Нюся.

Екатерина расстелила тряпку у порога. Людка в это время уже ждала мать.

– Кажется, все! – Екатерина направилась к умывальнику.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила помощниц больная. – Вот вам пять рублей. А под кроватью возьмите баночку вишневого варенья. Если сможете, приходите через неделю.

Невыносимо стыдно было Екатерине брать плату с больной пенсионерки за незначительную, на ее взгляд, работу. При случае сама последнее бы отдала. Но дома ее ждали го-

лодные дети, и Екатерина, сердечно поблагодарив женщину, взяла.

– Мам, – по дороге домой спросила у матери Людка, – а почему тетя Нюся не вышла замуж за другого мужчину?

– Я думаю, очень любила Соколова, – задумчиво ответила мать и, помолчав, досказала: – Счастливая и несчастная женщина.

Вечером семейство Никитиных уплетало густое, засахаренное, казавшееся необыкновенно вкусным варенье с хлебом, пило дешевенький чай и было чрезвычайно довольны. Екатерина с Людкой до самого отъезда в Каракалпакию ходили убирать у Нюси, а та платила им, чем могла: деньгами, вареньем и историями из своей и чужой жизни.

Глава 10

Чайханщик Улугбек

Долгожданной радостью пришла, наконец, весна. Она в Узбекистане роскошная. В этом солнечном крае народ о весне говорит так: «Наступил хамаль – все кругом набухает». Сначала весь растительный покров наполнился живительным соком, окреп, а затем зацвел ошалело и дурманяще, словно не воздухом дышишь, а куришь кальян, до отказа набитый травами и цветами.

Несмотря на то, что от Николая очень редко приходили какие-либо известия, Екатерина вздохнула свободнее: веш-

нее движение природы подарило ей ожидание близких перемен. Скоро конец учебного года. Она с детьми поспешит в далекую Каракалпакию, где, очевидно неплохо, устроился ее муж, отец их четверых детей.

Времени до отъезда оставалось немного. Надо было подумать, куда девать пожитки. Их невесть сколько, но все не увезешь. Продать? Конечно, можно, но кто знает, как сложится жизнь. Нет, лучше у кого-нибудь оставить. У кого? У Люськи? Та такая же, как перекасти-поле: сегодня – здесь, завтра – там. У Насти? Живет одна, с Лилькой. Мужиков водит. Пропьют! Екатерина ломала голову, но придумать ничего не могла.

В чайхану в очередной раз привезли уголь, и чайханщик Улугбек, зная, что женщине позарез нужны деньги, снова позвал Екатерину помочь с разгрузкой топлива. Между молодой женщиной и Улугбеком давно установились приятельские отношения. Бывало, живой, разговорчивой русской мужчина давал деньги в долг, угощал пловом, шурпой или мантами. Екатерина понимала, что неспроста смазливый узбек так внимателен к ней и щедр. У азиатов кровь горяча. Смотрят на привлекательную женщину, особенно на славянку, как удавы на добычу. А тут еще мужа давно рядом нет, место свободно. Притворяясь наивной простушкой, она повода для сближения не давала, а гостинцы брала как плату за работу и несла детям.

– А, Катя! Салом алейкум! – в очередной раз заиграл

масляными глазами ей навстречу Улугбек. – Как дела?

– Дела как сажа белая, – усмехнулась Екатерина. – Вот уезжать собираюсь.

– Зачем уезжать? – приподнял брови чайханщик. – Живи в Риштан. Что мешает?

– Не хитри, Улугбек, сам знаешь, что мешает. К мужу ехать надо.

– Муж – карашо. Муж – любов.

Екатерина пропустила мимо ушей опасные слова сластолюбца.

– Не знаю вот, куда вещи деть: все не увезу, – неожиданно для себя вдруг пожаловалась она.

– Зачем не знаю? Моя оставляй, – предложил Улугбек.

Екатерина с интересом взглянула на приятеля. А почему бы нет? Живет с семьей, в своем доме. Никуда не денется из городка. Нежадный – на чужое добро не зарится.

– А жена не будет против? – снова усмехнулась она.

– Зачем против? Я скажаль – жена сделаль.

– Хорошо, – кивнула головой Екатерина, – после работы зайти сможешь? Покажу, что надо будет к тебе перевезти.

– Якши, – пристально взглянув на приятельницу, к которой ему не раз хотелось прижаться, да покрепче, чайханщик понес клиенту заказ.

Екатерина привычно схватила лопату и принялась за работу.

Чайхана, или чайная, – особое место. Это и столовая, и

клуб, и ресторан, одним словом, заведение, без которого не может обойтись ни один азиатский город, ни один кишлак. Пользовалась чайхана популярностью и в Риштане.

На широких деревянных топчанах, покрытых шерстяными паласами, поджав под себя или скрестив перед собой ноги, в риштанской чайхане любят отдыхать местные жители-мужчины. С удовольствием сюда заходят и гости. Каждый посетитель этого заведения обязательно закажет ароматный зеленый чай. Его подают в маленьких расписных чайниках, а пьют из пиал – круглых чашек без ручек. И чайнички, и пиалы местного производства. В большом почете у гостей и любимые национальные блюда узбеков: шашлык, плов, шурпа и обязательно свежие лепешки.

Под ласковыми лучами весеннего солнца отдых в чайхане особенно хорош. А если еще там окажется хафиз с чудесным голосом, считайте, что вам здорово повезло: риштанские певцы славятся на всю страну.

Екатерина трудилась с черного хода заведения, поэтому хафиза не видела, но проникновенный голос мужчины, который, конечно же, пел о любви, долетал до нее и будил в сердце молодой здоровой женщины неясные желания.

Вечером дети с удивлением глазели на незнакомого человека, пришедшего вместе с матерью.

– Это дядя Улугбек, – представила им незнакомца Екатерина. – Он возьмет к себе наши вещи. Мы ведь все не увезем, правда?

После осмотра вещей сели ужинать. Малыши сначала с недоверием и опаской поглядывали на чужого дядю, затем постепенно успокоились и к концу ужина признали его за своего: Улугбек, коверкая русские слова, смешно им подмигивал и шутил. Девочки постарше, изредка бросая на гостя короткие взгляды, застенчиво работали ложками.

Уложив детей спать, Екатерина закрыла дверь в спальню и вернулась на кухню. Улугбек не уходил.

– Катя, мая вино есть. Кароший. Давай выпьем? – он пытливо посмотрел на женщину.

Катя знала, что за этим может последовать. Прогони она сейчас настойчивого ухажера, он уйдет и слова не скажет. Мужчина не наглый. Но ей не хотелось его прогонять. Уже много месяцев никто не смотрел на нее так нежно и призывно, никто не помогал ей так от души, как это делал симпатичный узбек.

– Давай, – просто сказала она и поставила на стол стаканы.

Они пили терпкое красное вино и говорили о чем-то неважном и легком. И ее душа, и тело, истосковавшиеся по мужским ласкам, все таяли и таяли, как асфальт под горячими лучами солнца. Сейчас она не хотела помнить о том, что замужем, что у нее четверо детей и что наступит завтра, когда ей будет ужасно стыдно за то, что произойдет сегодня.

Улугбек уловил это мгновение ее полной покорности ему, красивому и сильному мужчине. Он не спеша поднялся и выключил свет. Затем в полутьме отыскал руки Екатерины и

потянул ее к себе. Она не стала сопротивляться, и два жаждущих друг друга существа слились в едином порыве непристойной, но такой желанной страсти.

Среди ночи Людку разбудили неясные звуки. Она затаила дыхание и стала прислушиваться. Звуки слышались с кровати, где спала мать. Вот кто-то что-то сказал. Легкий приглушенный смешок. Затем четко произнесенные слова:

– Тише! Кажется, Людка проснулась.

– Нет, спит.

Девочка узнала голоса. Лицо ее вспыхнуло. Мать с мужчиной! Что они там делают? И вдруг ее осенило: конечно же то, что делала с ней когда-то Лилька, что делают мужчины и женщины, когда, раздевшись, ложатся в постель. От этих мыслей она вспотела, но не двигалась. Так и лежала неподвижно, пока снова не погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись поутру, дочь увидела мать на кухне. Та готовила завтрак и выглядела немного смущенной и какой-то расслабленной, умиротворенной.

– Доброе утро! Как спалось? – Екатерина испытующе посмотрела в лицо дочери, но ничего на нем не прочла.

– Хорошо, – ответила Людка и пошла к умывальнику.

Людка умела хранить тайны. А их у нее было уже две: любовь к Женьке Воронину и ночное приключение с Лилькой. Если маме хорошо, значит, у Людки появится еще один секрет. Она будет молчать, и ни одна живая душа никогда ничего не узнает.

Глава 11

Турсуной

Обычно у Людки к концу учебного года откуда-то появлялась чрезмерно деятельная трудоспособность. Ее не расслабляли ни повторение уже изученного на уроках, ни мысль о скорых каникулах, ни наступающая жара. Изо дня в день она подолгу просиживала над книгами и зубрила домашние задания. Сейчас же все было иначе. Отличница нехотя открывала дневник, быстро писала в тетради и, полистав несколько минут учебники, безразлично откладывала их в сторону. Одна мысль будоражила ее: она скоро уезжает!

Предстоящий отъезд беспокоил не только Людку. Он ломал привычки всей семьи. Мать уже не ходила на работу: оформляла документы. Вечерами всем семейством собирали чемоданы и каждый решал, что можно оставить, а без чего никак не обойтись и нужно взять с собой. «Еще целых десять дней учебы!» – с тоской думала Людка, идя в школу. Валька также нехотя плелась рядом.

В один из майских дней не успела Людка войти в класс, как к ней сразу же подскочил Алимат Иргашев:

– Никитина, ты отчет о своей работе подготовила?

– А что, на сегодня надо было? – удивилась та.

– Так я же тебе уже говорил! – возмущенно крикнул командир отряда.

– Нет, не говорил! – сердито посмотрела на одноклассника Людка.

– Говорил!

– Не говорил!

Все ребята смотрели на расходившихся активистов, когда в открытую дверь вошла классная руководительница. Разгоряченные спорщики бросились к ней:

– Нина Петровна!

– Тише, ребята! – остановила она раскрасневшихся учеников. – Все потом: умерла Турсуной.

Двадцать девять пар широко открытых детских глаз застыли в немом вопросе.

– Вы же знаете, Турсуной пропустила много уроков: она сильно болела, – будто оправдываясь, тихо проговорила Нина Петровна. – Все уроки в нашем классе на сегодня отменяются. Мы едем на похороны.

Смерть взрослого – печальное событие, но, когда уходит из жизни ребенок, печальнее вдвойне. Что Турсуной никогда больше не придет в школу, что они, ее одноклассники, не услышат звонкий голосок девочки, не увидят ее хрупкую фигурку – этого осознать сейчас не могла ни Людка, ни кто-либо из стоящих с ней рядом мальчишек и девчонок: слишком неожиданным было известие и страшным.

Портфели пятиклассники оставили у себя в классе. Та самая грузовая машина с наращенными бортами, на которой школьников возили на хлопок, направилась к дому Ах-

меджановых. Снова тесной кучкой в ней стояли ребята, но ни один из них не толкался, не смеялся и не кричал.

Широкие ворота двора были открыты. Возле ворот и в глубине небольшого тенистого дворика Людка увидела большое скопление людей. Седобородые старцы в чалмах, в белых халатах и с палками в руках сидели на длинной скамейке в тени деревьев. Из дома во двор и обратно незаметно сновали молчаливые женщины. Зрелые и молодые мужчины в цветных тюбетейках и полосатых халатах, подпоясанных платками, готовили носилки. Молча и непривычно спокойно стояли дети.

Людка с Ниной Петровной и несколькими девочками вошли в комнату, где находилась покойница. Но ни гроба, ни открытого лица умершей, ни ее тела они не увидели. Длинный белый сверток, стянутый у изголовья и у ног веревками, лежал у стены на полу, застеленном паласами и одеялами. Это было все, что осталось от жизнерадостной звонкоголовой Турсуной. Мертвая тишина непосильным грузом висела в воздухе комнаты, и Людка поспешила выйти на свежий воздух.

Она однажды уже была в этом доме, когда Турсуной пригласила свое пионерское звено познакомиться со своим отцом, знаменитым риштанским мастером-кузгаром Умаром Иргашевичем Ахмеджановым.

Турсуной привела одноклассников после школы. Ее мать,

Садихон-апа, сначала накрыла дастархан, накормила гостей пловом, напоила зеленым чаем с узбекскими конфетами, изюмом, сушеным урюком. Затем Турсуной повела их в мастерскую, где работал ее отец.

– Ота, можно к вам? – спросила она у него, войдя с ребятами в небольшую постройку, состоящую из одной маленькой комнаты.

– Заходите, не стесняйтесь! – радушно встретил детей невысокого роста смуглый мужчина в кожаном фартуке. – Гости – дар божий!

Посетители с любопытством огляделись. Стены мастерской украшали блюда разных размеров. Но больше всего Людке приглянулась голубая, как небо в ясный январский день, большая тарелка, висевшая как раз против входной двери.

Бак на печке, кастрюли с глиной у какого-то странного приспособления, палочки, иглы, ножи в металлической коробке, множество баночек с разноцветными красками и кисточек в невысокой вазе на столе ребята пробежали глазами быстро. Их больше заинтересовали стеллажи, плотно заставленные расписной посудой. Будто экспонаты в настоящем музее, красовались в скромном помещении глянцевые кувшины, чашки, блюда, украшенные замысловатыми узорами.

– Ота! – обратилась Турсуной к отцу. – Ребята хотят посмотреть, как вы работаете.

– Что ж, смотрите. Это моя мастерская. Здесь я делаю вот

такие керамические изделия, – повел рукой Умар Эргашевич, указывая на полки. – А ну, дочка, скажи нам, как называются эти сосуды?

– Вот этот сосуд называется куза, он нужен для хранения воды и масла, – звонко затараторила девочка, подходя к кувшину и глядя его рукой. – Для умывания нужен кузача, для кислого молока – хурма, для цветов – ваза гулдон. А эта керамика особая – она называется «чили», то есть китайская.

Турсуной поднесла ребятам чашку, покрытую белой глазурью, с синей росписью.

– Вот потрогайте. Ота, можно?

Мастер согласно кивнул головой, и чашка покочевала из рук в руки.

– Как видите, ота делает не только кувшины. – Она вернула на место полуфаянс. – Вот этот глубокий таз называется тагора – в нем замешивают тесто, а блюдо лаган вы уже видели – оно для плова. Видите, какое оно бирюзовое. Блюдо покрыто глазурью «ишкор», она наша, риштанская, и очень знаменитая.

Девочка положила изделие отца на стеллаж и, как по писаному, с гордостью добавила:

– Тысячу лет назад керамику наших мастеров, покрытую глазурью «ишкор», знали на всем шелковом пути от Китая до Аравийского полуострова.

– Молодец, дочка, экзамен на экскурсовода ты сдала на «пять», – засмеялся отец. – А теперь, дети, я расскажу вам,

из чего и как делается эта красота.

Он подошел к загадочному станку и сел перед ним на стул.

– Этот гончарный станок по-узбекски называется чарх, – начал мастер свой рассказ. – Он состоит из двух гончарных кругов, которые насажены на вертикальную ось. На верхний круг я положу комок глины, а нижний буду вращать ногой. Смотрите, что у меня получится.

Мальчишки и девчонки не сводили глаз с глины, которая под руками умельца вдруг стала превращаться в кувшин. Людке на миг показалось, что перед ней сидит чародей, который может все.

– Ота! – вдруг прервала отца Турсуной. – А можно, ребята попробуют?

– Хорошо, – согласился мастер. – Кто первый?

Людка вспомнила, что девчонки тогда вертеть круг отказались, а мальчишки все перепробовали. Еще долго после этого всем звеном смеялись над тем, как у новоиспеченных мастеров глина на станке превращалась в диких уродцев...

Теперь Турсуной нет. Умар Эргашевич безучастно сидит среди мужчин. Он совсем не похож на того счастливого отца, который был рад показать одноклассникам любимой дочери секреты работы с глиной. Боль утраты сделала его лицо безжизненным и потусторонним.

К похоронам все было готово: упакованное в ткань тело уложили на носилки и покрыли ковром. Стариков расс-

дили в легковые машины. Школьники залезли в грузовик. Несколько мужчин подхватили на плечи с двух сторон носилки с телом усопшей и быстрым шагом двинулись к мазару. За ними торопливо зашагали остальные люди мужского пола. Следом покатали машины. Процессию замкнул грузовик со школьниками.

Как только траурный кортеж тронулся, толпа женщин двинулась по дороге следом. Впереди всех Людка увидела мать Турсуной. Садихон-апа шла с непокрытой головой. Она иступленно рвала на себе волосы, в горьком беспамятстве хватала пыль с дороги и посыпала ею голову. Отчаянно причитая, как причитает по своему ребенку любая мать, будь то русская, казашка или узбечка, женщина бежала вслед за людьми, которые навсегда уносили от нее ее драгоценное дитя.

Людка вместе с другими ребятами медленно удалялась на грузовике от скорбной группы женщин. Она видела, как родные и соседки догнали обезумевшую от горя мать, подхватили ее под руки, удерживая на месте, и молча горько зарыдала. Почему Садихон-апа не может идти на кладбище, чтобы проводить в последний путь Турсуной? Не знала тогда русская девочка, что по закону шариата лишена такого права женщина-мусульманка. Загадкой для нее осталось и то, почему тогда им, девчонкам, разрешили проводить подругу до самой могилы.

Пока тело Турсуной закладывали в боковую нишу глу-

бокой глинистой ямы, закрывали углубление досками, а затем забрасывали последнее пристанище маленького человека землей, все девчонки горько плакали. На мусульманском кладбище, возле невысокой насыпи над могилой Турсунной, на которую положили большой тяжелый камень, Людка впервые для себя открыла истинное значение слов “жизнь” и “смерть”.

Глава 12

Последний звонок

Ура! Последний звонок! Людка стоит в красногалстучном строю рядом с одноклассниками, с которыми бок о бок просидела за партой целый учебный год, и прощается с тем, к чему привыкла или что успела полюбить. Теперь уже шестиклассница, девочка обводит взглядом школьный двор.

Вон знакомый раскидистый куст, еще более пышный, как ей кажется, чем тогда, когда она впервые пришла в эту школу. Под ним, прячась от любопытных глаз, она поела глазами Женьку Воронина. А где он сам? Опять стоит почти напротив нее. Теперь уже семиклассник!

Женька повзрослел, стал еще красивее. Дружит со Светкой. Руслан и Людмила! А с Людкой только здоровается и иногда перекидывается ничего не значащими словами. Вот и сейчас не обращает на нее никакого внимания. Ага, увидел, подмигнул, заулыбался. «Хотелось бы знать, что ты почув-

ствуешь, когда меня больше в Риштане не увидишь!»— мстительно подумалось ей, как вдруг кто-то толкнул ее в спину. «Людка! Тебя вызывают! – горячо шепнул ей в шею Генка Стрельченко. – Иди грамоту получать. Чего зеваешь?»

Пламенем загорелось лицо отличницы, и, не очень спеша, она направилась к директору. Каждой клеткой своего тела девочка чувствовала взгляды ребят и учителей.

И неглупая старшая дочь у Никитиных, и бойкая, а на публике, бывало, терялась. Не один раз в самый неподходящий момент краснело ее лицо и неповоротливым, каким-то деревянным становился язык. Как ни напрягается, как ни старается Людка избавиться от парализующей ее мысли и речь скрытой застенчивости, внутренней зажатости и неуверенности в себе, они нет-нет, да и сказываются. Видно, чаще кнутом, а не пряником угощает ее жизнь.

Поменяв у директора под дружные рукоплескания линейки цветы на грамоту, Людка идет назад. И вдруг ее смущенное сердечко наполнилось гордостью: пусть видит Женька, какая она умная и старательная, пусть он пожалеет, что влюбился не в нее, предпочел ей какую-то Светку.

Привычный звон школьного колокольчика известил об окончании праздника и последний раз в закончившемся учебном году позвал детей в класс. Нина Петровна поздравила своих учеников с приятным событием, раздала табеля и пожелала всем хорошего летнего отдыха. Оживленные и счастливые, дети уже готовы были выпорхнуть из учебной

комнаты, как учительница сказала:

– Ребята! А Люда Никитина первого сентября в нашу школу, к сожалению, уже не придет: она уезжает.

Как по команде все ребячьи головы повернулись к растерявшейся подруге. Наступила тишина. Обращаясь к стеснительно улыбающейся девочке, Нина Петровна тепло произнесла:

– Людочка! Желаем тебе счастливого пути, здоровья и будущих успехов в учебе в другой школе.

– Ребята! – вскочила вдруг со своего места вездесущая Ирка. – А давайте все вместе споем нашу отрядную песню и пожмем Людке на прощанье руки. Три, четыре...

И как никогда звонко зазвучали ребячьи голоса:

А ну-ка песню нам пропой веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.

Людка воодушевленно пела вместе со всеми. И вдруг она всем своим маленьким существом поняла: рядом с ней целый год за партами сидели настоящие школьные друзья. Узбеки говорят: “В работе друг – в жизни друг”. Вместе пятиклашки радовали и огорчали своих учителей, проводили пионерские сборы, собирали хлопок, изучали флору и фауну Ферганской долины, знакомились со знатными людьми сво-

его города, вместе хоронили Турсуной.

А теперь Людка Никитина с ними расстается. Сначала автобус, а затем скорый поезд умчит ее далеко-далеко. Прощайте, бестолковая, но такая добрая Ирка, забияка, но отличный спортсмен Генка. Будьте здоровы и веселы чистюля и умник Алимат, плакса Зульфия, скромняга Оля, неисправимый прогульщик Костя и другие ребята. Счастливо оставаться!

Последний запев отрядной песни, дружеские пожатия друзей – и взволнованная Людка отправляется домой.

До отказа набитый пассажирами пазик медленно считал километры. Ожидание новых впечатлений, толкотня попутчиков сначала вызвали в душе у Людки радостное возбуждение, но под мерное урчание старичка-мотора оно постепенно улеглось. Притиснутая к окну Валькой, которую поджимали стоящие в проходе люди, девочка держала на руках Светку и всю дорогу до железнодорожной станции задумчиво смотрела в окно.

Красочные отроги Чаткальского хребта, на которых раскинулся Риштан, покрывала буйная сочная зелень. За толстым стеклом автобуса мелькали темно-зеленые поля хлопчатника, сады с густой листвой фруктовых деревьев, шеренги статных тополей и разнообразные постройки.

Этот сельский пейзаж оживляли люди, занятые своими обыденными делами. Они бросали – кто равнодушный, кто

заинтересованный – взгляд на очередной, проходящий мимо них урчащий автобус и пропадали из поля зрения пассажирки. И Людке было до слез печально оттого, что и поля, и сады, и эти незнакомые ей люди останутся здесь, в Ферганском оазисе, таком плодovitом, красивом, щедром и радушном, а она навсегда покинет этот край, к которому успела прикипеть всем своим маленьким, но таким отзывчивым на красоту и добро сердцем и никогда уже сюда не вернется.

Да, частенько кнутом угощала ее здесь жизнь, но дарила и пряники. Нельзя и стыдно быть неблагодарным человеком. Плохое обязательно забудется, сотрется или останется в памяти тем, что не хочется вспоминать, а хорошее будет греть сердце до конца жизненного пути.

В поезде Никитины заняли целое купе. Старшие девочки залезли на верхние полки, мать и малыши расположились на нижних. Состав тронулся с места, застучал колесами и, набирая скорость, заторопился в дальний путь. Перед глазами прилипшей к окну Людки замелькали дорожные картины. Сердце наполнилось новым, приятным волнением, и девочка повеселела. Не поезд, а Людкина судьба катила по длинной колее железной дороги. Впереди была неизвестность. Она, завораживая и притягивая, сулила девочке удивительные, знаковые встречи и готовила для нее новые испытания.

Словарь:

Кишлак – восточное селение, деревня.

Урюк – курага, высушенный абрикос.

Мастер-кузгар – ремесленник, производящий керамические изделия.

Дастархан – в Средней Азии скатерть или столик с выставленными на них угощениями.

Мазар – место погребения мусульман.